Колдовские миры

Галина Гончарова

Волк по имени Зайка

Колдовские миры

Галина Гончарова

Волк по имени Зайка

«Эксмо»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гончарова Г. Д.

Волк по имени Зайка / Г. Д. Гончарова — «Эксмо», 2016 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-699-88303-5

Когда все твердят, что ты – позор семьи, жених изменил, а нужная ипостась никак не прорезается, что остается делать приличной девушке-оборотню? Только сбежать из дома.Когда твоего отца убили, мать в опасности и тебя тоже хотят убить, что может сделать молодой лорд? Разумеется, временно отступить. Чтобы потом вернуться.Но судьба любит шутки, и две дороги сливаются в одну. Куда она приведет знатного наследника и юную зайку-оборотня?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88303-5

© Гончарова Г. Д., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Зая	7
Колин	10
Зая	17
Колин	19
Два дня спустя, деревня оборотней. Калайя, жена вожака. Мать Заи	21
Колин	23
Сутки спустя, Лес. Зая	24
Колин	25
Зая	27
Колин	29
Зая	30
Колин	32
Зая	33
Ночь. Деревня оборотней. Калайя, жена вожака. Мать Заи	35
Зая	36
Колин	38
Зая	40
Шарк, десятник стражи	41
Колин	42
Зая	43
Колин	44
Зая	45
Колин	46
Шарк, десятник стражи	47
Зая	48
Колин	49
Зая	50
Шарк, десятник стражи	51
Зая	52
Равашар, вожак оборотней	53
Лайса	55
Зая	56
Равашар, вожак оборотней	58
Тарс Крашри, некогда капитан стражи Торвальд-холла	59
Колин	63
Зая	65
Корт Шарк, десятник стражи	68
Вадан Тарп, лучник	69
Калайя, жена вожака, мать Заи	70
Колин	72
Зая	73
Колин	75
Крашри, капитан стражи замка Торвальд	76
Вадан Тарп, лучник	77
Колин	79
Зая	80

Корт Шарк, десятник стражи 81
Колин 83
Зая 85
Конец ознакомительного фрагмента. 86

Галина Гончарова
Волк по имени Зайка

Иллюстрация на переплете А. Дубовика
© Гончарова Г., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Зая

– Позор семьи, – говорит отец и щурит желтые глаза. – Как у меня могло родиться… такое?

– Позор семьи, – вздыхает мама. – Как у нас могло такое получиться?

– Позор семьи, – твердит сестра. – Да глядя на тебя, меня никто замуж не возьмет.

– Позор семьи, – прищуриваются братья. – Да глядя на тебя, от нас все девки сбегут.

– Ты – позор своей семьи, – насмешливо ухмыляется подруга. – Кому ты нужна… такая?

– Это позорище? – усмехается Райшен, целуя плечи Лайсы. – Да кого она может заинтересовать? Ну, улыбался… так ведь дочка старейшины же. Вот и все… а так сама подумай – ты или она, и кто выберет эту уродину?

И улыбается. Солнце пляшет на серых прядях, а я чувствую себя безумно несчастной. Позор семьи – это я.

* * *

Все началось три года назад…

Наша деревенька невелика, всего человек сто. Два десятка семей. Небольшие хижины, делянки рядом с домами, крепкие коровники и свинарники, намного более крепкие, чем собственно дома. Таких деревенек три штуки на весь лес.

Больше и не надо, потому что населяем лес – мы.

Оборотни.

Три деревни состоят из трех видов оборотней. Оборотни-медведи, оборотни-волки и оборотни-лисы. Мы живем, охотимся, у нас рождаются дети… Когда ребенок взрослеет, он получает вторую ипостась и уходит в свою деревню. Выходит замуж или женится, рожает детей и живет там до самой смерти. К сожалению, жизнь у нас не очень длинная. Все-таки лес, холода, да и охотники иногда забредают…

Мой папа – староста деревни волков. Вся семья у меня – потомственные волки. Все очень красивые, сильные, с серыми волосами и желтыми глазами, мускулистые и высокие.

Одна я – позор семьи.

Первые подозрения появились у мамы, когда мне еще не было пяти. Вот сестра и брат у меня правильные. Рослые, сильные. Сероволосые и желтоглазые. А я – маленькая, на голову ниже младшей сестры, светловолосая, голубоглазая. С тонкими ручками и ножками. Белокожая и совсем не мускулистая. Некрасивая…

Мама подозревала неладное, но молчала. А проблемы начались, когда мне стукнуло двенадцать.

Когда девочка роняет первую кровь, она становится оборотнем. Это праздник для ее семьи и для всей деревни, а потому первый оборот происходит на центральной площади.

Все собираются, поют, танцуют, пьют отвар оборот-травы – и перекидываются. Первым – именинник, потом все остальные, а дальше – бег по ночному лесу, первая охота, вкус крови на губах и ощущение счастья…

Райшен рассказывал мне об этом так живо, так ярко… И я мечтала.

Ровно до той минуты, как выпила отвар оборот-травы. Я ожидала многого… ожидала, что неведомая сила скрутит меня, поведет за собой – и я очнусь волчицей.

И скрутило.

Только вот беда – на земле вместо волчицы поднялась… ушастая белая зайка. Симпатичная, с голубыми глазками и длинными ушками, но… зайка.

Праздник был сорван. Оборотное зелье больше никто не выпил. Мама срочно, от греха подальше, унесла меня домой и заперла в чулане. Я ведь зайка, то есть – дичь для любого перекинувшегося оборотня. Чего я наслушалась с той поры…

Позор семьи – это самое мягкое.

Сплетни, слухи, косые взгляды…

До вчерашнего вечера мне казалось, что это не имеет значения хотя бы для одного конкретного оборотня… казалось…

Райшен… Мой друг, мой приятель по детским играм, мой парень, с которым я впервые смотрела на звезды, впервые поцеловалась…

Он меня тоже предал.

Вчера мама отправила меня с девочками за червень-травой, растущей на болоте. Идти туда почти сутки, потом найти траву, собрать, отдохнуть и отправляться обратно.

Мое проклятое счастье распорядилось по-своему. Я распорола ногу, а восстанавливаюсь не так хорошо, как настоящие оборотни. Вот и пришлось вернуться домой за мазью, чтобы нога не опухла, – и я решила заглянуть заодно к Райшену. Поцеловать его, сказать, что люблю и что он самый-самый… Настоящий волк!

Высокий, мощный, сильный, красивый… и любит меня.

Райшен целовался с Лайсой.

Эта рыжая лисица из соседней деревни давно положила взгляд на Райшена и строила ему глазки, но Рай ею не интересовался. Мне так казалось…

А сейчас он целовал ее плечи, руки, и она смеялась.

– Ну зачем тебе нужна эта белобрысая уродина?

– Это позорище? – усмехается Райшен. – Да кому она нужна? Ну, улыбался… Так ведь она дочка старейшины. Вот и все… а так сама подумай – ты и она, кто выберет эту уродину?

И у меня темнеет в глазах.

Я вижу, как платье Лайсы ползет вниз, как Райшен обхватывает ее за талию… Неужели ему нужно только это?! Мы ведь не… а ему надо было… за что?!

Я смотрю до того мига, как раздается полный блаженства стон Лайсы, а потом прижимаю руку к губам, чтобы не заорать в голос, – и бросаюсь домой что есть мочи.

Ноги моей больше не будет в Лесу!!!

Отцу с матерью я не нужна, братьям и сестрам без меня будет лучше, а Райшен…

НЕНАВИЖУ!!!

По счастью, мне никто не встретился, иначе побег не состоялся бы. Я была в ужасном состоянии, меня трясло, по рукам волнами пробегала белая шерсть – я утрачивала контроль над ипостасями…

Дома тоже никого не было.

Что взять с собой?

Практически ничего. Я не смогу нести большой груз в обличье зайца, а другое, человеческое… Слишком долго и трудно в нем будет идти.

Поэтому – небольшой мешочек на кожаном шнурке. В него полетели несколько серебряных монеток – даже тут я неправильный оборотень. Меня не жжет серебро, как других, я спокойно беру его в руки. Порошок из корня жив-травы – сильная штука, мертвого на ноги поднимет. Мама говорила, что люди за него десятикратный вес золотом дают и считают – дешево. Просто собирать траву надо одну ночь в году, да еще с условиями и оговорками, и растет она не везде.

Ничего, мне пригодится.

Взглянула на свои руки, оскалилась не хуже волчицы.

Колечко Райшена. Обручальное, мы этой осенью должны были… Мразь!!!

Зато золотое. Тяжелое. Заберу его с собой – продам, а то и выкину. Нечего ему будет Лайсе дарить! Поделом тебе, скотина блохастая!

Скидываю платье. Увы, оборотни не могут перекидываться в одежде. Мы переходим из формы в форму совершенно нагими. Говорят, раньше были полиморфы, которые перекидывались в кого хотели, в одежде или без, – но они давно вымерли. А мы… Я – вообще позор семьи.

Платье запихнуть в мой сундук – из него ничего не возьму. Ни засушенные цветы, ни лично сшитые платья – приданое, чтоб ему… Главное, чтобы сразу побег не обнаружили.

Выйти из дома на задний двор – благо никого нет рядом, чутье у меня не хуже волчьего, оно рассказывает, кто и где находится. Но сельчане все разбрелись, занимаясь своими делами. Тем лучше…

А теперь сосредоточиться.

Впрочем, даже этого не требуется. Секунда, в глазах темнеет – и все кончено. На грядках сидит ушастая белая зайка. Я смотрю на свои лапки и нехорошо усмехаюсь. И – срываюсь с места.

Прощай, деревня. К вечеру я уже буду очень далеко отсюда, а хватятся меня дня через три. Не догоните…

Колин

«Сын!
Ваша мать умерла, и требуется Ваше присутствие на похоронах.
Прошу Вас приехать незамедлительно.
Лорд Ройл».

Пальцы сжались в кулаки, сминая хрупкий листок. Мразь.

Своего отчима я ненавидел всегда. Кажется, я уже родился с этой ненавистью. Или она появилась чуть позднее…

Не знаю, с чего так. Вроде бы отец считал его своим другом, названым братом, а мне лорд Эдвин Ройл был противен. Неприятны были его темные, навыкате глаза, его мясистые красные губы, прячущиеся в окладистой бороде, его толстые пальцы, постоянно шевелящиеся, похожие на жирных червей…

Я первый пустил в ход прозвище «лорд Рыло», и оно прилипло хуже дерьма к подошве. Тогда это были детские проказы.

Потом было хуже.

Мне было десять лет, когда погиб отец. Погиб странно и нелепо. Случайный выстрел на охоте – и стрела спутала отца с оленем. Или стрелок?

Я жизнь готов был поставить на второе, но найти негодяя не удалось. Никто не признался, а стрела оказалась не помеченной. Твари!

Я был провозглашен лордом Торвальд-холла, а мать надела траур.

Она словно потухла тогда. Всегда веселая, живая, искристая, теперь она напоминала Снежную королеву. Каштановые волосы поседели за одну ночь, голубые глаза запали, она сильно осунулась… И все равно была красавицей. Даже сейчас, во всем черном, – красавицей.

И лорд Рыло зачастил к нам. Около года назад умерла его жена, и слуги шептались, что он забил ее до смерти, а сейчас положил глаз на маму. Я это понял сразу.

Но что я мог сделать?

Беда была в другом. Его назначили моим опекуном до совершеннолетия, а наступало оно в семнадцать лет. Семь лет мы должны были терпеть его, его визиты, взгляды, речи, всячески ублажать его, повиноваться и…

НЕНАВИЖУ!!!

Впрочем, я готов был простить ему многое – за маму. В ее присутствии он становился совсем другим. Он шутил, пусть неловко и неуклюже, читал ей стихи, приносил цветы, сладости, украшения… Мама чуть оживлялась в его присутствии – и одно это стоило моих стиснутых зубов.

Прошел год – и она перестала носить только черное и даже стала иногда улыбаться. Потом еще год – и она начала смеяться, и голос ее звенел иногда почти как прежде. А потом лорд Рыло сделал ей предложение.

Мама тогда пришла ко мне ночью.

– Сынок, нам надо поговорить.

Я пожал плечами. Пусть я ребенок, но я еще и лорд Торвальд, а потому отец воспитывал и учил меня с детства.

– Ты хочешь сказать, что выходишь замуж за лорда Рыло?

Мама вздохнула. Опустила голову.

– Ты не любишь его.

– Нет. А ты? – Этот вопрос требовал серьезного прояснения.

– А мне иногда кажется, что я могла бы… рядом с ним не быть счастливой, но и не быть такой несчастной.

– По сравнению с отцом он…

– Не надо, Колли. – *Колли*. Так меня называла только мама – и только наедине. Это было нашей тайной даже от отца. – Лорда Ройла действительно нельзя даже отдаленно сравнить с твоим отцом. Но…

– Но ты еще молода. И хочешь попробовать стать счастливой.

– В кого ты у меня такой умный?

– Я и сам порой задаюсь этим вопросом, – поддразнил я маму. – Я не стану возражать.

– Да?

– Я хочу видеть тебя счастливой.

Мама подарила мне поцелуй. Крепко обняла, мы посидели в темноте и тишине…

– Ты у меня замечательный, малыш. И так похож на отца…

Она всхлипнула и ушла.

Свадьба была пышной. Мать старалась улыбаться, лорд Рыло выглядел откровенно довольным, гости пили и орали тосты за здоровье молодых и потомство…

Я молчал и наблюдал.

Все ведь хорошо, так?

Разве не так?

«Не так» проявилось вскоре после свадьбы.

Лорд Рыло был бесплоден – так шептались окружающие. У него было уже две жены – и ни одна не подарила ему наследника. Не смогла и мама, хотя очень старалась. Я знал. Лорд поднимался в ее спальню каждую ночь – и оттуда неслись стоны. Сначала – удовольствия. Потом они все чаще становились болезненными, но вмешаться я не мог.

Из замка удалялись старые верные слуги, в нем становилось все больше людей лорда Рыло, роптали гвардейцы, а я ничего не мог сделать. Он – опекун. И ведь дела он вел хорошо. Не воровал – я мог это проверить. Но и…

Убивайте меня – лорд Рыло был с гнильцой.

Мать опять стала печальной, под ее голубыми глазами темнели черные круги, а на запястьях, которые она прятала под длинными рукавами, появились синяки. Лорд Рыло винил ее в том, что она не могла понести ребенка, – приводил в пример меня и все чаще смотрел очень нехорошим взглядом. Словно примериваясь поверх арбалета.

Мама опять пришла ко мне ночью, когда лорд Рыло напился и уснул. И на ее лице был уродливый синяк.

– Он? Убью!

Я рванулся вскочить. Да, мне всего тринадцать лет – ладно, почти тринадцать! – но я знаю, куда бить. И рука у меня не дрогнет – полоснуть гада по сонной артерии, чтобы он захлебнулся своей помойной кровью!

Мама схватила меня за руку.

– Сядь, Колли.

И я повиновался. Что-то страшное было в ее голосе.

– Нам надо серьезно поговорить.

– Слушаю.

Я до боли сжал одеяло в кулаках. Спокойствие, Колин, спокойствие. Ты уже взрослый, тебе не пристало орать, как сопливой девчонке.

– Ко мне сегодня пришла женщина.

– И?

– Это… *его* женщина.

Я не сразу понял, но потом вспыхнул гневом.

– Ты… и он сейчас…

– Нет. Выслушай до конца. – Мама смотрела грустно и твердо. – Он спал с ней, когда ухаживал за мной, но потом бросил, выкинул, как дешевую вещь. И она в обиде на лорда. Сейчас у нее все хорошо, она выходит замуж и уезжает отсюда.

– Они больше…

– Не встречались. Но она была служанкой в его замке. Постельной служанкой…

Я кивнул. Об этом я тоже знал. Личная служанка лорда, которая следит за его постелью, а если он пожелает… Почему-то всегда постель ему застилали очень молодые и хорошенькие девушки.

– Что она рассказала?

Вместо ответа мама выложила на одеяло стрелу. Простую такую… арбалетную, с белым оперением, знакомую до мельчайших деталей… только на той оперение было красным от крови.

Минуту я молчал, потом поднял глаза на маму.

– Я убью его.

– И я не стану возражать, – мама усмехнулась холодно и жестко. – Но не сейчас.

– Почему?

– Потому что доказать ничего не удастся. И ты умрешь вслед за ним.

Я на миг задумался. Законодательству меня учили намного меньше, ведь лорд и есть закон на своей земле. Но сначала земля должна быть, ее надо охранять и получать доход. Право я только начинал изучать.

– Но стрела…

– Служанка захотела оклеветать господина – и только.

– Сходство?

– Она ее украла. Или нашла, или… ты сам понимаешь. Да. Для королевского суда ее слова – не доказательство.

– Для меня этого хватит. И этого. – Я кивком показал на мамин глаз.

– И все же ты будешь пока молчать. Как и я. Не знаю, на сколько меня хватит. Он уже винит меня в своем бесплодии. – Мама смотрела жестко, и я понял, что характер у меня не только от отца. Моя нежная, слабая и хрупкая мама могла быть не менее решительной и жестокой, если хотела, а сейчас она хотела.

– А что я тогда буду делать?

– С этой женщиной и ее мужем я передала письмо. Моему двоюродному брату Филипу.

– И?

– Я попросила взять тебя в оруженосцы и всему обучить. Я хочу, чтобы ты убил Рыло, но убил так, как не смог он. Как дворянин и честный человек.

– Ты думаешь, ей можно доверять?

– Ее ненависть сильна, – усмехнулась мама. – Общие друзья и общие враги сближают, запомни это.

– Я запомню.

– Она рассказала мне о смерти моего мужа. Рыло планировал это давно, очень давно. Он всегда завидовал твоему отцу. Всегда…

И я поверил.

– Филип приедет, заберет тебя отсюда, и я не буду бояться…

– А ты?

– А я пока останусь. Пока он надеется получить от меня ребенка – он не причинит мне вреда. Но когда его надежда будет угасать…

– Я не оставлю тебя в его лапах.

– Никто не даст мне развода, Колли.

– А умереть от побоев лучше?!

– Нет, мальчик мой. Но я надеюсь продержаться, пока тебе не исполнится семнадцать. А ты тем временем должен стать сильным. Ради меня. Ради своего отца, чтобы его род не прервался.

Я смотрел на мать – и чувствовал гордость. Мама у меня замечательная.

– Дай слово, что ты напишешь, если нужна будет помощь.

– А вот о письмах мы сейчас и поговорим. Как я буду к тебе обращаться, какие будут условные знаки…

Мы проговорили всю ночь. Утром мама не вышла к завтраку и на следующий день тоже. А еще через два дня приехал Филип.

Вот он мне понравился сразу. Высокий, с каштановыми волосами, как когда-то у мамы, с ясными синими глазами и широкой улыбкой, он приветствовал меня, хлопнул по плечу Рыло и заявил, что забирает племянника.

Рыло попытался возмущаться, но тут же получил щелчок по носу. Дело в том, что я-то – лорд наследственный, Филип – тоже, а Рыло – всего лишь жалованный. И я у него быть оруженосцем никак не могу. Не по статусу…

А пора бы, пора…

Филип добавил, что король охотится тут неподалеку, так что можно обсудить вопрос с ним, хоть сейчас поедем, – и Рыло смирился, только глазами сверкнул. Пробормотал, что дорогой гость окажет ему честь, оставшись на пару дней, но куда там…

Филип ломился как медведь сквозь камыши – только треск стоял. Он тут же заявил, что ему некогда, что ребенка он забирает с собой сегодня же и мы уезжаем – он, дескать, в королевской свите, так что еще успеет представить племянника королю.

Дружески поприветствовал маму, которая вышла к нему, поцеловал в щеку, а потом заметил следы от пальцев – и вспыхнул гневом.

Я не знаю, что он сказал Рылу. Но судя по тому, что мамины глаза светились насмешкой, а Рыло стоял белее полотна, это было что-то неприятное. Я не знаю, я собирался.

Через два часа после приезда Филипа мы выехали обратно. А поговорить со мной серьезно дядя собрался только на привале.

– Что мама написала вам?

– Прочтешь?

Я пробежал письмо глазами. Мама честно писала, что подозревает второго мужа в убийстве первого, боится за сына и просит Филипа забрать ребенка, пока с ним не случилось чего плохого.

– Вы быстро действовали.

– Можешь говорить мне «ты» и «дядя». Я действительно твой дядя, хотя родство и дальнее, – буркнул Филип. – Гуся будешь?

Отказываться я не стал.

– Значит, так. Оруженосец мне как раз положен, я просто давно никого не брал. Поживешь у меня. Сам чем заниматься хочешь? Воевать, охотиться…

– Учиться.

Кажется, мне удалось его удивить.

– И чему же?

– Как быть лордом. Как защитить себя и маму.

Филип хлопнул меня по плечу.

– А ты не дурак, парень. Несмотря на свой возраст – не дурак.

– Вам тоже было тринадцать.

– И я был куда глупее тебя. Одни бабы и попойки на уме… А у тебя – нет?

Я покачал головой. Хотелось, да. Тянуло иногда, но я понимал, что любая близкая мне женщина – это оружие Рылу против меня. Перебьется.

– Этому, кстати, тоже надо учиться.

– Зачем?

– Чтобы против тебя не использовали. А то, бывает, дорвется кое-кто до сладенького…

Филип смотрел испытующе – и я кивнул.

– Научите?

– Научу.

В ту ночь мы многое обсудили и поняли, что пока маме лучше молчать. Она во власти Рыла, если лорд узнает, что его преступление может выплыть наружу, – он никого не пощадит. А потому мама будет молчать. И я пока – тоже. Потом, когда мне исполнится семнадцать, я смогу вызвать отчима на поединок, потом…

Следующие два года я прожил у дяди. Мама писала каждый месяц, и в письмах были условные знаки. Все нормально, жить можно. Лорд груб, но руку на нее не поднимает. Его счастье – убью мерзавца безболезненно. Может быть…

А пока – надо было учиться, и я учился.

Филип был мной доволен, я это знал. В меру своих сил я осваивал разнообразное оружие, метко стрелял из лука и арбалета, фехтовал, проблемы были только с двуручным мечом. Он для меня пока был тяжеловат. Ничего не поделаешь – не произвожу я впечатления крепкого малого. Волосы у меня темные, а глаза, как у мамы, синие, но черты лица тоже мамины, тонкие. Борода расти и не торопится, а те несколько волосков, которые пробиваются, проще сбривать, не позорясь. Я высокий, но пока еще костлявый, кость у меня тонкая, оттого и выгляжу тощим. Филип говорит, что это временно, просто такие, как я, оформляются позднее, годам к двадцати – двадцати пяти, но это меня не волнует. Хватило бы сил управляться с мечом и копьем, а их хватает.

У Филипа и тетушки Марго мне было уютно и спокойно. В его замке вообще было спокойно всем. Тетушка создавала вокруг себя такое поле тепла и покоя, что все поневоле пропитывались ими – и тоже переставали спешить и волноваться. Уютная, кругленькая, сильно располневшая после рождения четверых детей – двух сыновей и двух дочек, – Марго целый день крутилась по хозяйству, возникая в самых неожиданных местах. Даже на стрельбище и в конюшне не обходилось без ее забот, когда она приказывала поднести мишени или починить денник… Филип жил за ней, как за каменной стеной, доверив жене даже счета, – и в знак уважения не спал ни с кем из девушек в замке. Каждую ночь он приходил к Марго, был к ней подчеркнуто внимателен, любезен, дарил подарки, оказывал знаки уважения… Тетушка цвела. Хотя любовница у дяди была – в дальней деревне. И ездил он к ней три раза в неделю. Но там все было очень тихо. Деревенские знали, но все молчали, понимая, что лорд не пощадит. Я с дядей об этом не заговаривал – ни к чему.

С кузенами и кузинами я тоже подружился. Они были неплохие, девочки пошли в мать, такие же хлопотуньи, не особенно далекие и богатые умом, зато теплые и ласковые, как две пушистые кошечки. Филип уже присматривал им женихов – и, к его чести, мне их не предлагал. Кузены же больше думали об оружии и девчонках, чем о том, что один из них станет графом, и злобы в них тоже не было. Скорее сочувствие. Это – тоже заслуга тетушки. Она всех вокруг себя делала добрыми.

Так прошло три года. Мне исполнилось шестнадцать, все было спокойно, и тут…

Сын!

Ваша мать умерла, и требуется Ваше присутствие на похоронах…

Свинья в хлеву тебе сын. Я разжал пальцы, заставляя себя успокоиться, и обратился – судя по шеврону на рукаве и цвету формы – к капитану замковой стражи. Тоже из новых, раньше его не было.

– Не знаю вашего имени…

– Тарс Крашри, капитан замковой стражи.

– Лорд Ры… Ройл взял вас на службу?

– Да, господин.

– И давно?

– Два года, господин.

Значит, у мамы осталось еще на одного друга меньше. Старый капитан, Джек Лемех, учил еще моего отца, любил его и, как мог, оберегал маму. М-да… гадюшник… Попробовать потянуть время?

– Мой лорд в отъезде. Я не могу уехать без его разрешения…

Филип действительно был в отъезде. Так совпало – или?..

На границе его владений начались беспорядки, кто-то травил посевы, и дядя решил съездить туда сам. Меня же в этот раз оставили дома из-за дурацкой болезни. Пробежался босиком под дождем – и не обратил вовремя внимание на кашель, а тот привязался, и тетушка, когда стало окончательно плохо – вздохнуть нельзя было без приступа кашля, – уложила меня в постель… Самое обидное, стоило дяде уехать – и кашель пошел на спад и почти прекратился. З-зараза…

– Господин, лорд Ройл очень просил вас приехать попрощаться с матерью. И у него на то есть дозволение короля…

На бумаге действительно была королевская печать. М-да… ехать придется.

– Хорошо. Утром выезжаем.

Капитан дернулся было что-то сказать, но кто б его слушал?

– Тетушка, устройте, пожалуйста, солдат на ночь. Полагаю, на конюшне найдется место?

– Да и в казармах найдется, и что выпить есть, и горяченького, наверное, воины не откажутся покушать…

Через десять минут солдаты и от яда не отказались бы, если получат его из рук Марго. Она хлопотала как только она это умела, устраивала всех, а я сидел у себя в комнате и размышлял.

Мысли были откровенно неприятными.

В прошлом месяце письмо пришло – и от мамы. Обстановка не накалялась, судя по условным знакам. Что их могли вычислить – вряд ли. Не Рыло, который и писал-то с трудом. Итак, все было спокойно, и вдруг она умирает. А меня вызывают на похороны.

Чего тут можно ждать?

Хм-м… вот так сразу я бы сказал, что несчастного случая. На преднамеренное убийство Рыло не пойдет, Филип ему не спустит. Даже если ничего и не докажут, где он, а где Филип… Рыло силен, спору нет, но я знаю, как сражается дядюшка, он его просто уничтожит. По полу размажет и остатки с сапога соскребет. Поэтому случайная стрела не пройдет.

Разбойники?

Вполне вероятно.

Отравление, пожар, потоп – и я случайно утоп, яд, болезнь – то есть тот же, только более хитро данный яд…

Одним словом, несчастный случай потому так и называется, что не счастливый.

А вот что мне делать?

Можно сбежать. Я могу. Марго выпустит меня из замка, еще и провизией обеспечит, и даже укрытием, но… меня будут искать. И несчастный случай мне организовать будет куда как проще. Не говоря уж…

Неподалеку раскинулся лес.

Опасный и весьма не любящий чужаков. Лес – это проклятие и дар нашего королевства. Там растут травы и деревья, которых нигде больше нет, там водятся удивительные животные, там очень любят людей и готовы жрать их три раза в день. Только зайдите, как говорится.

И заходят специальные охотничьи команды, и выходят, но… Я-то не охотник. И подготовки специальной у меня нет, во всяком случае, пока. Филип считал, что мне сначала надо научиться владеть оружием, ездить верхом, опять же геральдика, история, экономика, политика… времени хватало только учиться и спать. А охотнику требуется нечто иное. Ходить по лесу, скрадывать зверя, читать и путать следы… этому можно научиться, но зачем?

Я же не планирую стать рейнджером. Я – лорд, это моя работа и мой долг, и в лес мне не сбежать, хоть мои владения с ним и граничат небольшой частью. Ну и пусть граничат. Команды охотников я тоже посылать буду, когда получу наследство, а сам не пойду. Ни к чему это благородному…

Но дело сейчас не в этом. Меня просто съедят в лесу. А под крышей – найдут и устроят несчастный случай. И оно мне надо?

Есть и еще один вариант. Есть направление, на котором меня искать не будут, то есть я могу сам поехать к Рылу. При таком раскладе в дороге мне вряд ли что будет угрожать – на этом направлении меня ждать не будут, во всяком случае, без сопровождения, и есть шанс проскочить. А может, и нет. Что бы сделал я?

Да оставил человека с парой голубей где-нибудь в таверне на тракте, а потом через него дал знать сообщникам. Вот, кстати, сокола с собой захватить надо. Ловчего, дрессированного. Но в любом случае я попадаю по приезде в лапы к Рылу. Кинет меня в подземелье и скажет, что не доехал. Или вообще замурует… С перерезанным горлом, ага.

Живой я ему всяко не нужен.

В дверь постучали. Тетушка смотрела грустно.

– Собираешься, малыш?

Даже «малыша» от нее было приятно слышать. Теплая она. И домашняя. И очень уютная… Повезло дяде. Кстати, сам Филип это отлично понимает.

– Это лучший выход.

Тетя кивнула. В уме она просчитывала то же самое, что и я. Не стоило обманываться ее внешностью, или вы думаете, что дурочка сможет управлять таким хозяйством? Ну-ну…

– Я дам тебе сопровождающих. Десять человек, больше никак.

Я кивнул.

– Да, пожалуй. И нескольких почтовых голубей.

Вряд ли это сильно поможет. Но уж точно не повредит. Мне придется ехать, иначе ничего хорошего не получится.

– Само собой. Я тут поговорила с людьми, у капитана, если что, приказ привезти тебя силой.

– Вот даже как?

– Якобы лорд в глубоком трауре, жена при жизни мечтала увидеть сына…

– Пусть теперь она его увидит на том свете? – мрачно пошутил я, получив в ответ укоризненный взгляд тетушки.

– Буду за тебя молиться, малыш.

Я криво усмехаюсь. Молитвы никому еще не помогали, но хотя бы не вредили. Ладно, попробуем выжить.

Я уже не щенок, я уже подросток и, видит Бог, – без колебаний пущу в ход зубы. Глотку перегрызу за маму.

Зая

Первая ночевка в Лесу вышла печальной. Бегать ночью по Лесу в заячьем обличье не рекомендуется никому. Не тот зверь, чтобы его боялись и не трогали. Одни совы чего только стоят, да и другие дикие звери… Пришлось обернуться и забраться на дерево. Стало холодно и тоскливо. Кора царапалась, мысли были исключительно печальные, я опять перекинулась зайцем и в таком виде намного удобнее устроилась в сплетении ветвей. Заяц на дереве?

И что такого? Жить-то хочется.

И кушать тоже. И тепла. А нет и не будет.

Домой возвращаться… Нет уж, увольте. Я позор семьи? Ну так семье будет лучше без меня!

Возвращаться я не собираюсь, если только за шкирку в зубах не приволокут. Значит, надо решать, как жить дальше, – чем не занятие на эту ночь? Спать придется урывками, а ничто не гонит сон так хорошо, как тяжелые раздумья. Я точно знаю, когда о Райшене думала, ночами могла не спать.

Итак, что я буду делать вне Леса?

Хм-м… а ведь я правда над этим не задумывалась раньше. Попробуем сейчас, раз уж не спится? Да и не нужно мне много сна, три-четыре часа – и буду бодра, как хвост бобра. Братья эту поговорку произносили куда как неприличнее и смеялись при этом. И Райшен… с-скотина блохастая. Кстати – блох он цеплял регулярно, я же и выводить помогала, теперь перебьется!

Итак – чем я буду заниматься вне Леса?

Я знаю, что там живут люди. Там есть деревни, есть города… оборотни вообще не любят людские земли, потому что раз в месяц нас тянет перекинуться. А потом и по Лесу побегать, загрызть кого-нибудь… Да-да, некоторые оборотни, особенно молодые и волки, в такие минуты себя плохо контролируют и могут напасть на тех, кто боится, убегает, проявляет агрессию…

А дальше все просто. Рано или поздно поймут, поймают, вызовут храмовников – и добро пожаловать на костер или на рогатину. Не хочется…

Но то волки. А я?

Безобидная, беленькая, пушистенькая – мне, в принципе, можно перекидываться и сидеть дома. Положу себе заранее пару капустных кочанов или морковки начищу, никакого леса не захочется. Ну, можно будет раз в три месяца пробежаться там, где безопасно. Зайцы бегают?

И пусть бегают…

Ум-то у меня человеческий в любой ипостаси, я вообще не дурею. Просто никому это не интересно, вот была бы я медведицей или волчицей… или хотя бы лисицей… Лайса, дрянь рыжая, жаль, что я перед уходом с тобой поквитаться не могу. Ну и пусть!

Бери себе Райшена и подавись им! Чтоб вы грызлись до упаду каждый день да по три раза в день! Не жалко!

Ага, кому я вру? Себе?

Еще как жалко. И тоскливо, и тошно, и выть хочется – видели вы воющего зайца на дереве? Тогда вы вообще мало что видели в этой жизни. Ну и я тоже. Тут поневоле взвоешь. Хорошо вышло, душевно…

Среди людей жить – не в лесу выть. Это я точно знаю. У них имеют хождение деньги. Не настолько уж я глупая и темная, между прочим. Дочь вожака стаи, причем потомственного. Папа иногда ездит к людям, а то как же?

Мы живем в Лесу, богатства которого не измерить. И людям нужно многое из того, что есть у нас. А нам нужно кое-что из того, что есть у них. У них есть кузнецы – у нас нет. Обо-

ротни не любят работать с огнем. Да и ткани… Можно и ткать, и прясть самим, но где взять лен? Разбить в Лесу поля и батрачить на них все лето? Как же, уже бежим, помахивая хвостиками. И с зерном то же самое, и со сладостями. Люди умеют делать многое, что нужно нам. А мы можем собирать жив-корень, можем найти такие травы, которые позарез им нужны, но люди никогда не доберутся до глубин Леса, можем платить им шкурами дикого зверья… одним словом, кое-какая торговля есть.

И папа рассказывал о своих визитах к людям. Я вот слушала с удовольствием, и теперь понимаю, что не зря. Первым делом мне нужна будет одежда. Ее можно купить или украсть. Потом обувь. Это в Лесу все ходят босиком даже в холода, но люди так не могут и не умеют, я привлеку излишнее внимание. Обувь, одежда, место для жилья…

А вот с последним проблема.

Отец рассказывал так.

Деревни и города – там простые люди. Над людьми обязательно есть лорд – именно он решает, кому где жить. И как это будет выглядеть? Здравствуйте, лорд, я из Леса вышла, позвольте мне тут поселиться?

Звучит как-то неубедительно… И люди корыстны, отец это постоянно повторял. Значит, от меня могут потребовать денег, а это плохо. Денег у меня тоже мало. А что можно придумать?

Возможно, кто-то возьмет меня в свой дом?

Не знаю, это сложно. Но допустим, дом я нашла. А вот чем я буду заниматься? А, глупый вопрос. Травницей я буду, травницей. Оборотень, между прочим, по одному запаху и болезнь определить может, и лекарство приготовить… я точно могу, меня мама учила. Я не тупая Лайса, которая даже писать не умеет, я умная. Нет, ну что он в ней нашел – лохмы рыжие? Кобель вонючий!

Итак, что я умею?

Читать, писать, лес знаю, травы знаю… Есть возможность пристроиться?

Наверняка найдется. Я умная, я со всем справлюсь. А если мне пока немного страшно – это не беда. Глаза боятся – руки делают…

Ночь прошла более-менее спокойно, и я еще раз похвалила себя. Никто меня сожрать не пытался, я просто не вписывалась в картину мира диких зверей. Заяц должен прятаться в траве, по деревьям они не лазят и летать не умеют. Поэтому на дереве меня никто искать не станет.

А теперь опять бежать и бежать. До границы Леса еще далеко[1].

[1] В среднем зайцы могут развивать скорость до 80 км/час, но ненадолго, средняя их скорость 50 км/час, пусть у нашей героини она не больше 35 км/час – все равно расстояние очень неплохое за 8 часов. – *Прим. авт.*

Колин

Мы выехали достаточно поздно. Капитан ярился и хотел отправиться в путь с рассветом, но – нашел дурака. Чтобы теленок вперед мясника на скотобойню бежал?

Нет, помечтать ему не вредно, но я лично так поступать не собирался. Поедем медленно, печально, с перерывом на сон и еду, а там Филипу письмо долетит, тетушка сообщит, и дядя либо догонит нас, либо к Рылу гостем явится – в любом случае будет неплохо. Так что я спокойно завтракал, невинно хлопал глазами на все вопли капитана, а потом зарядил ему в лоб:

– Капитан, а куда мне спешить? Мать уже умерла, теперь тридцать дней ее тело будет лежать в церкви, а потом ее опустят в землю. До *моего* поместья, – «моего» я выделил голосом так, что мужик аж побагровел, понимая нескромный намек, – восемь дней пути, если торопиться, двенадцать – если не торопиться, так что мы в любом случае успеем.

Крашри вылетел из зала, я покачал головой и посмотрел на тетушку. Та поняла намек и повела меня в комнату, еще раз проверить, все ли собрано.

– Тетя, боюсь, этот тип тоже в доле. Вы предупредили людей, которых со мной отправляете?

– Да, сынок.

– Это хорошо. А то погибнут ни за грош… жалко.

– Ты, главное, себя сбереги… Письмо дяде я уже отослала. Двух голубей послала и трех гонцов, так, на всякий случай. Кто-то да доберется…

Я поцеловал тетю в щеку. Хорошая она…

– Спасибо тебе…

Тетя погладила меня по голове.

– Возвращайся, сынок.

С тем я и вышел на крыльцо. Конюх подвел мне моего конька. Крепкий буланый жеребчик по кличке Обмылок. Смешно?

Кому смешно, а кому смеяться грешно. Прозвище было дано не просто так. Характер у конька был премерзкий, любой, кто на него пытался садиться, тут же оказывался на земле. И на него еще норовили наступить копытом. Вот один из конюхов и… обругал. Мол, скользкий, как обмылок, хоть как извернись, а не удержишься…

Имя приросло. Вроде бы и окликнул, и обругал…

Дядя совсем отчаялся и хотел было его сплавить куда-нибудь, но мне строптивец приглянулся. Я вообще животных люблю, вот и начал разговаривать с коньком, приносить ему то яблоко, то морковку, то подсоленного хлеба… прошло не меньше трех месяцев, прежде чем он разрешил мне просто сесть ему на спину, но потом мы сдружились. А как конь Обмылок был выше всяких похвал. Умный, понятливый, правда с характером, ну так кто из нас без норова? Но если он понимал, чего я от него хочу, – все. Он мог свернуть горы. Так что когда мы с дядей отрабатывали схватку с копьями, я вообще конем не управлял, Обмылок все делал своей волей. И шпоры я никогда не носил – незачем. Вид у конька был не особенно приглядный, масть неприметная, грива неопрятной щеткой – вот не росла она у него, и все тут, но крепкая спина, сильные ноги и ум с лихвой искупали все остальное. Мне ж на нем не дам возить – перебьются.

Седлал коня, кстати, я сам. И расседлывал, и обихаживать тоже сам старался. В исключительных случаях Обмылок позволял слугам поухаживать за собой, но все равно старался или наступить на ногу, или чисто случайно навалиться всем весом… Характер не запрешь.

Одним словом, мы поехали.

Тетушка отрядила со мной десять человек под началом десятника Шарка – старого вояки, ворчуна и хама, которому цены не было в дрессировке солдат. А заодно – хотя об этом знали

только три-четыре человека – когда-то в прошлом он был наемным убийцей и изучил все их уловки. Но сейчас никто о нем такого не подумал бы, а нам того и надо было…

Первый день пути прошел спокойно, видимо, Рыло предупредил своего подпевалу, что сразу я погибнуть не должен. Вот на третий-четвертый день – вполне. И может быть, где-то на дороге ждет засада.

Шарк, кстати, сказал мне то же самое. Мол, на дороге нас убрать – милое дело, тем более что с главного тракта тут сойти некуда. Неподалеку лес, люди тут селиться не любят, а на тракте хоть таверны есть. Одним словом – подденьте, лорд, кольчугу под камзол.

Я надел, причем втайне от капитана Крашри, что мне – сложно умного человека послушаться? А дальше все было достаточно скучно.

Рысью. Шагом. Рысью. Шагом. Привал. И опять рысь – шаг, рысь – шаг.

Для Обмылка переходы были не в диковинку. Капитанские вояки, кстати, те еще висельные рыла, под стать нанимателю, сначала попробовали посмеяться над именем конька, потом перестали. Кусался и лягался Обмылок без повода и предупреждения, просто чувствуя мое плохое настроение. Своим не доставалось, но на чужих он зло срывал от души и с размахом. В частности, тяпнул за круп капитанова мерина, отчего тот взвизгнул и скакнул в сторону, налетел на другую лошадь… Словом, я ехал в окружении своих, а капитан со своим десятком держался поодаль, причем я старался чередовать. Приказывал им ехать то впереди, то позади нас. Пыль быстро покрыла дорожные плащи, скрывая различия, мерный ритм не отвлекал от дурных мыслей… Мама, мама… Как же я перед тобой виноват…

Два дня спустя, деревня оборотней. Калайя, жена вожака. Мать Заи

– Как – дома быть должна?!

Я смотрела на подростков с абсолютным недоумением. Они только что вернулись со сбора червень-травы – и Заиньки с ними не было. Оказывается, она распорола ногу и должна была вернуться, чтобы промыть рану. Да, у нас все заживает быстро, но только если рана чистая, коли загноится – будет дольше. Естественно, девочки посчитали, что рана оказалась плохая и Заинька осталась дома. А мы думали, что она с ними, на болотах…

Зая.

Моя младшенькая дочь, мое горюшко…

Все у нас в семье оборотни. Отец, мать, деды с бабками и так еще на много поколений назад. Нет, встречались и лисы, и медведи, но чаще всего перекидывались волками. А вот Заинька… то ли кровь выдохлась, то ли Лес подшутил.

Моя доченька родилась зайцем!

Добычей для любого.

И что с этим делать, я категорически не знала. А вы бы знали? Каждое полнолуние было смертельно опасным для моей малышки, тем более она такая слабенькая, хрупкая… Я планировала со временем отдать ее в ученицы к знахарке, хранительнице памяти. Она по традиции живет на отшибе, так что никто мое дитятко не обидел бы. А парни… еще и за честь сочли б ее приглашение. Без мужчин бы девочка не осталась, а там и дитятко родила бы…

Я уже начала готовить дочку. Учила ее сама, показывала, что к чему. Заинька читала и писала – она вообще у меня умница, хоть и родилась зверем бесполезным… Но где же она?

Расспросы соседей показали, что девочку никто не видел. Проверила вещи – вроде как все на месте… Она голая ушла?

Куда?!

Зачем?!

Мужа дома не было, поэтому я сама помчалась на площадь, кидать клич. Перекинулась, дернула зубами за веревку колокола, громко завыла – и так несколько раз. Потом опять обернулась в человека – и уселась как была, голышом. А плевать, мы своих тел не стесняемся и не закрываем тряпками. Мы свободные хищники…

Заинька, зайка моя, где ты, что с тобой?..

Беспокойство туманило мозг, в человеческой ипостаси было легче его сдерживать…

Народ собирался быстро. Прибежал из леса муж, я тут же огорошила его известием, что у нас пропал ребенок, появились дети, которые получили по ушам: чего плохо за младшенькой смотрели…

Наконец собрались все – и я изложила ситуацию.

Два дня назад моя дочь пропала. Что, как – неизвестно… Кто-то что-то знает?

Кто-то что-то видел, слышал, унюхал…

Нет, нет, нет…

Райшен?

Если Зая забегала домой, то обязательно завернула бы к мальчишке. Нет, мне он никогда не нравился, слишком самовлюбленный и безмозглый, но… Мало ли?

Заю он тоже не видел. Но… чем-то таким от него тянуло… Страхом? Стыдом? Я трахнула мальчишку, как грушу.

– Признавайся! Ты ее обидел?

Райшен отрицал истово, и я верила. Не обижал. А чего тогда смущаться?

– Ма-ам… а от него лисицей пахнет, – сообщила старшая дочь, которая как раз вернулась.

– Ну и что?! – огрызнулся Райшен. Но взгляд его метнулся, я проследила за ним… ага!

Там в толпе стояла одна хищная рыжая девка, на которую у меня давно уже когти точились. Лайса мне с детства не нравилась. Ни ума, ни таланта, зато сисек и наглости в достатке. С другой стороны – и что с того, даже если они спаривались?

Муж перекинулся и взял Райшена за шкирку.

– Спал с Лайсой?

Долго Райшен отпираться не стал – и подтвердил, что да, было. Когда?

Да вот два дня назад как раз и…

Во сколько? Так с утра, как все из деревни ушли…

– А я видела…

Все посмотрели на малышку лет восьми. Кажется, Люша… не помню, как зовут.

– Зая шла к дому Райшена, а потом оттуда бежала. Быстро так… и плакала, потому и меня не заметила. А я сказку хотела. – Девочка явно была обижена такой несправедливостью. Верно, Заинька обожала возиться с маленькими, рассказывала им сказки, мастерила куколок из соломы, с искренним удовольствием играла в их игры.

И вот тут до меня дошло. Разумеется, если девочка вернулась в деревню, она не могла не зайти к Райшену. А он с этой…

– Спали?! – выдохнула я.

Наверное, что-то Райшен почувствовал, потому что закивал и попятился. Лайса попыталась удрать, но сын словно из воздуха соткался у нее за спиной, перекрывая пути отхода.

– Далеко собралась? Умела пакостить – умей и отвечать…

Лайса дернулась, но даже во второй ипостаси она была слабее – старший сын у меня волк. Матерущий, чуть ли не полтора метра в холке, лиса ему на один зуб и две минуты…

Я переглянулась с мужем.

Ну разумеется, девочка была в шоке. И естественная реакция – удрать из деревни. Но куда?

– Я пробегусь к медведям, сын, давай к лисам, – сориентировался муж.

– Я к травнице.

– А с этой что? – подала голос старшая дочь, нехорошо разглядывая Лайсу.

– Потом разберемся, – отмахнулась я. – Куда эта дрянь денется? Успею еще шкуру на половик снять…

– Так, сначала домой за оборот-травой, – решил муж.

Я кивнула.

Настой оборот-травы помогал, усиливал способности к трансформации, часто его пить было нельзя – раз в два-три месяца, – но сейчас особенный случай.

Где моя девочка!?

Колин

За три дня пути капитан достал меня до печенок.

Отчим этого идиота что – специально нанял? Нам умные не надобны, нам нужны тупые и верные?

К-кретин…

Хотя чему удивляться, умом Рыло не блещет.

Капитан лез куда надо и не надо, нажирался каждый вечер, орал матерные песни, лез к служанкам и вообще вел себя так, словно он не капитан замковой стражи, а глава помоечной шайки.

Устрою я ему пакостей, определенно. А пока – переговорил с Шарком, и два наших отряда перестали смешиваться. Люди капитана даже и своего командира не слушались. Люди Шарка тоже не желали выполнять приказы всяких дураков, в результате единственным связующим звеном остался я. Хотя капитанский отряд поглядывал… нехорошо.

Не кровожадно, нет. Но у них на лбу было написано: «Жертва». Меня собирались убить, все об этом знали, и помогать не собиралась ни одна сволочь. Ну разве что Шарк, но тут другое…

Раздражение копилось глубоко внутри, собираясь вырваться наружу…

Сутки спустя, Лес. Зая

По Лесу я шла уже несколько дней. Естественно, в заячьем обличье. Скорость у зайца вполне приличная, но это если бежать по ровной дорожке, а ее-то мне и не предоставили. Лес же…

Завалы, буреломы, болота, которые приходилось обходить. Сильно помогало, что я могу прыгать на три метра в длину, но опять-таки не везде и скорость теряется.

И время тоже.

Пару раз я даже думала, что надо бы вернуться домой, но потом…

Нет уж.

Родители, конечно, немного погрустят, но у них еще четверо детей. Хороших, сильных, не таких… позорных, как я. Райшен пусть будет счастлив с Лайсой.

Отпускаю тебя, радость моя лживая. Иди с миром… в болото!

И я упорно шла к опушке Леса.

Все было неплохо, когда…

Вой раздался неожиданно. Я обернулась…

Ох, Лес!

Пара волков. Диких. А в середине лета, когда у них молодняк… перекинуться и на дерево влезть не успею, да и толку с того дерева…

Ноги оказались умнее головы. Я думала, а они уже мчали туда, где было светлее… Волки, не желая оставаться без обеда, мчались следом, и приходилось петлять, благо заячье тело знало все лучше меня. И как подпрыгнуть, и куда, и когда… оторваться не удавалось, но ведь пока еще и не съели…

Лес закончился так внезапно, что я не сразу это поняла – и по инерции летела дальше. До дороги, по которой ехали… люди?

Да, определенно, люди на конях…

Кто-то из них рассмеялся, потянул лук, волки взвыли сзади…

Я тоже взвыла от страха, зажмурилась – и прыгнула вперед. Перелететь через них, хоть как-то… сейчас вот приземлюсь перед тем конем…

Я не учла только, что конь, испугавшись волчьего воя, прянет вперед. Я врезалась в его бок – и стекла вниз. Лапы не держали. Столкновение с такой тушей оказалось тяжеловатым…

Я распласталась на дороге, понимая, что сейчас меня убьют…

– Тихо, тихо, Обмылок…

Человек спрыгнул с коня, успокаивая его. А потом наклонился и поднял меня за шкирку.

А у меня глаза так разъезжаются, что понятно, почему зайцев косыми называют. И лапы тоже. Вырваться не смогу. Перекинуться пока тоже, голова кругом…

Неужели конец?..

Колин

Все произошло так быстро, что я едва не подумал о начале покушения.

В лесу взвыли волки – обнаглели, твари, средь бела дня, рядом с трактом, охотников на них нет. Обмылок захрипел. А потом из леса что есть дури вылетел белый комок. Промчался по полю, на миг замер у дороги, и я успел его разглядеть. Заяц. Белый, летом… странно. Они такие по зиме, а летом-то серые…

Заяц замер у дороги, сжавшись в комок. А волки, вконец обнаглев, вылетели из леса. На людей они не напали бы, наверное, не то число. Но беляк-то этого не знал. И Обмылок тоже.

Конь свечкой взвился на дыбы, прыгая вперед, заяц тоже сиганул с места – и со всей дури врезался в бок Обмылка, который от такого подарочка на минуту опешил.

И я успел перехватить узду плотнее, сжал ногами бока, зашептал на ухо нечто успокаивающее… в одного из волков ударила стрела.

Второй оказался умнее – и удрал в лес, пока тоже не подстрелили.

Я спрыгнул на землю, погладил коня по умной морде, тихо заговорил…

Обмылок прядал ушами, но хотя бы не рвался, умница моя, мальчик мой хороший…

Твердая рука Шарка перехватила под уздцы коня, и я смог оглядеться. Один из людей капитана направлялся к волку, все спешивались, радуясь поводу размяться после нескольких часов в седлах.

Заяц так и лежал в пыли, распластав лапы. Бока его судорожно вздымались и опадали. Я наклонился и поднял его за шкирку. Второй рукой перехватил за шкурку на толстенькой попке, чтобы не дернул лапами.

– М-да. Задал ты хлопот, косой.

Тушка безвольно обвисла в моих руках.

Так, ну для начала это не заяц, а зайчиха. Вся беленькая, глаза черные с красноватым отливом, на шее…

Что у нее на шее? Похоже на небольшой мешочек… посмотрим.

Второй рукой я примерился к мешочку. Ан нет, не все так просто, он не привязан, а продет на кожаный шнурок и тот завязан каким-то хитрым узлом.

– Давайте эту тварь сюда, господин…

Капитан протянул руку. Был бы кто другой – отдал бы, но тут…

– И зачем вам моя добыча?

Капитан даже опешил. Зачем ему заяц? Так сразу и не ответишь. Пару минут он жевал ус, потом нашелся:

– Так шею сверну, в суп на привале пойдет.

Заяц вздохнул как-то очень по-человечески, почти всхлипнул от ужаса. А я…

Дурак я, да?

Я тоже так подумал, но вдруг понял, что на суп животинку не отдам. Она от волков вырвалась, сбежала бы, если б не Обмылок, да и в эту пору… может, у нее дети есть, она волков от зайчат уводила… как моя мама в свое время…

Я перехватил зайчиху поудобнее, чтобы не вырвалась.

– Уберите руки от моего питомца, капитан.

Ошаление на усатой морде было как медом по сердцу. Ну не нравился он мне, не нравился…

– Пи… том… ца?

– Вот именно. Я буду в Торвальде разводить зайцев. Шарк, что с конем?

– Все в порядке.

Перехватываю свободной рукой поводья, вскакиваю в седло.

– Тогда поехали.

– Лорд, а шкура…

– С зайца?

– Вот, волк же…

Да вижу я, как один из его людей обдирает шкуру, а второй помогает ему…

– Догонят, как закончат.

Устраиваю зайца поудобнее, придерживая за уши, и чуть ударяю пятками по конским бокам. Обмылок опять начинает движение, а следом подтягиваются все остальные. Шарк, по-моему, в полном восторге. Да и остальные дядюшкины солдаты не злятся. А капитан… а кто сказал, что мне этот усатый боров на службе нужен?

Зая

Я тряслась на спине лошади и раздумывала: как бы дать понять человеку, что ни кусаться, ни убегать не собираюсь? Тем более драться…

А то все уши уже измочалил, чай, не казенные…

И по шерстке меня гладит, и разговаривает… хорошо, что меня животные любят.

В человеческом облике скотина оборотней терпит. В зверином же… Бесятся – это еще слабо сказано. С ума сходят, и часто – это не преувеличение.

Но меня лошади да и другая скотина признавала в любом виде. Выяснилось это совершенно случайно, когда я, перекинувшись, пряталась от той же Лайсы с ее насмешками – и умудрилась забраться в коровник. Хоть бы одна буренка мыкнула…

Одним словом, конь со смешным именем Обмылок терпел меня на своей спине, а его всадник даже по голове гладил – и это было приятно. Кажется, есть меня не собирались. Я уже и с жизнью попрощалась – не перекидываться же при всех? Вот представьте, то у вас в руках был заяц – и вдруг он начинает расти, превращается в обнаженную девушку, которую вы так же держите за шкирку…

Веселье обеспечено. Людям. А мне – костер или сначала стрела под лопатку, а потом – костер.

Так что я собралась умереть, только жалко себя стало до боли. Я ведь ничего не видела, не знаю, пожить не успела… а парень решил меня не убивать.

Ну и я пока убегать не буду.

Что я – дура, такой шанс упускать?

Да и о людях ничего толком не знаю – как они говорят, как поступают, как одеваются… Даже поесть купить не смогу. Наделать глупостей мне раз плюнуть. Поэтому поживу у парня, посмотрю, как и что…

Предупреждать ли его о своей второй ипостаси?

Смешно.

Вот еще не хватало.

Отблагодарить могу, если случай представится, а сообщать, что я оборотень, – ищите других дураков. В обличье зайца я могу находиться долго, очень долго. Дня три-четыре точно, потом перекинусь на пару часов – и опять в зверя.

Разум я не теряю, контроль над ипостасью тоже… почему бы нет?

Только, надеюсь, меня кормить будут?

Я перевела взгляд с дороги на парня.

Симпатичный. Темные волосы чуть ниже плеч ложатся красивыми кольцами, яркие глаза странного цвета… словно золотую монетку кто-то обвел по краю синим ободком, а вокруг зрачка решил изобразить солнышко, спохватился, что монетка и так золотая, – и снова сделал его синим. Красиво.

Но какой-то он… почти как я. Пальцы тонкие, запястья изящные, у той же Лайсы – и то толще будут…

Как девчонка.

И все равно – симпатичный.

Зайка, ты о чем думаешь, а? Нет, мозги у тебя все-таки заячьи. Нет бы подумать, как удрать со временем, а вдруг тебя вообще в клетку посадят или собакам скормят, а ты на парня загляделась!

А как же Райшен?

А так!

Ему можно, а мне нельзя? Пусть катится к лешьей матери! И вообще, зайцы с рогами – это неправильно. Волкам рога пойдут намного больше… да, и вот тут еще тоже погладь, и под подбородочком почеши…

– А звать я тебя буду Зая.

Так, подойдет. Я даже отзываться буду. Честно-честно. А кормить будут? А тебя как зовут?

– Интересно, ты не убежишь, если чуть приотпущу?

Не убегу я, не убегу…

– Ты вроде ручная. Кто-то же на тебя ошейник надел?

Сама и надела. Кстати – не покушаться. Не твое – не трогай, а то за руку цапну.

Уши чуть отпустили. Я не торопилась шевелиться – меня еще немножко почесали и отпустили уши совсем. Я чуть поерзала, устраиваясь поудобнее. Лучше бы не на брюхе, но боюсь, если я сяду, как хочется, меня опять за уши возьмут.

Интересно, а куда мы едем и зачем?

Ладно, будем прислушиваться. Отец говорил, что люди – существа болтливые.

Колин

Зайка тряпочкой распласталась поперек лошади. Ну точно – ручная. Интересно, что у нее на шее? Ладно, потом будет время посмотреть.

Слышал я, что в жарких странах дрессируют мангустов, да и у нас собаки, птицы… но зайцы?

Они глупые…

Хотя по этой так не скажешь. Уши чуть приотпустил, но готов был в любой момент сжать руку, так зайка даже не дернулась. Словно привыкла ездить верхом. Только чуть поудобнее легла.

Я бы ее себе оставил, но как еще дело в замке отчима повернется?

А, как бы ни повернулось. Отпустить я зайчиху всегда успею.

– Интересно, ты не беременная?

Голубые глаза блестели, словно зайка и правда меня слушала. А я поглаживал теплую шерстку, чувствуя ладонью биение маленького сердечка, и успокаивался. Я не девчонка, конечно, но вот кузинам эта зайка была бы в радость… так и сделаем.

– Если все будет в порядке, заберу тебя к дяде, подарю кузинам. Они хорошие, добрые, ты у них будешь как сыр в масле кататься… Интересно, чья ты? Наверное, какой-нибудь крестьянской девчонки… вот теперь рыдать тоже будет.

Но найти хозяина возможным не представлялось.

Ладно, пусть едет со мной. Выпустить всегда успею.

Я еще раз погладил мягкую шерстку.

– Хорошая, хорошая заюшка…

Зайка потерлась головой об мою ладонь. Интересно, что она поняла из моих слов?

Зая

К вечеру парень уже настолько ко мне привык, что даже не придерживал. А я вполне удобно сидела на седле впереди него. А почему бы нет?

Меня сегодня накормят, я переночую под крышей, к тому же я устала за эти дни. Мне надо отоспаться в безопасности. И ноги болят. Я ведь тоже живая…

Паренька звали Колин, и он был лорд. Я только пока не поняла, каким и чего, но это еще впереди. И зачем он едет, тоже непонятно.

Видно только, что его люди разделены на две группы и одна определенно парня не любит, но и не нападает… почему?

Странные существа – люди.

А потом стало еще интереснее. Парень спрыгнул с лошади во дворе какого-то приземистого строения. Я смотрела во все глаза. Люди, запахи, лошади – все смешалось в одну массу, и эта масса… подавляла. Я бы растерялась, а паренек уверенно снял меня с седла, взял на руки, отпихнул ногой брехливую собачонку, крутанувшуюся рядом, и распорядился подбежавшему человеку:

– Комнаты и ужин.

Толстяк поклонился. Маленькие глазки обшарили парня с ног до головы, потом в них что-то блеснуло…

– Шесть серебряных, лорд…

– Два.

Я навострила уши. Шесть – это много? Или как? У меня-то и того нет… и что они делают?

– Лорд, вы меня разорите! Пять серебрушек – и то из моего самого искреннего уважения.

– За ночевку в твоем клоповнике еще нам приплачивать надо. Я боюсь, что мой заяц тут блох подцепит. Три серебряных.

– Четыре, лорд… Прошу вас, у меня большая семья…

– Хорошо, четыре.

Ага. Кажется, я поняла. Это называется «торговаться», отец рассказывал. Но если ночлег и ужин на двадцать человек стоит четыре серебрушки, то на меня одну… несколько медяков, не иначе?

– Но если в моей комнате окажутся клопы – ты получишь не больше двух.

Трактирщик поклонился до земли.

– У меня нет клопов, лорд.

– Посмотрим. Прикажи проводить меня в мою комнату.

И потрепал по шее коня.

– Шарк, отведи Обмылка на место, я попозже спущусь…

Тем временем трактирщик махнул кому-то, и к парню подошла девчушка. Молоденькая, еще младше меня, платье серое, если бы я такое нацепила, мать бы меня с головой в речку засунула. Грязи на нем было… и солома к подолу прилипла. А еще… я взъерошила шерстку.

Отец рассказывал, что у людей женщина – добыча сильного, а я не верила. Думала, везде как у нас, ан нет…

Синяки на запястьях и легкая желтизна на лице в месте старого удара отчетливо показывали, что девочку принуждали к случке. И запах тоже… такой бывает у забитого покорного животного.

Что бы с ней ни делали – она к этому привыкла.

А если бы так со мной поступили? Ударили, попытались покрыть? Что бы я сделала?

Странный вопрос. Оборотень сильнее человека. И свернуть шею одному насильнику я бы смогла. А потом сбежать… а что еще остается?

Но этой, похоже, бежать некуда.

Девочка почтительно проводила нас до двери, подождала, пока парень войдет внутрь, поклонилась.

– Господину нужны другие услуги?

– Нет. – Парень резко кивнул на дверь. И от девчонки потянуло… разочарованием?

Ничего не понимаю. Странные существа – люди.

Дверь закрылась. Парень спустил меня с рук на кровать – и я огляделась.

Комнатка. Не слишком большая. Пять шагов от стены до стены. Кровать, в изножье кровати – сундук, окованный металлом, небольшой стол и кривоногий стул. На единственном окне засаленные шторки. Пол грязный, правильно меня на кровать опустили. Я тут ходить не буду, мне лапки пачкать неохота, вот.

Колин уселся рядом со мной.

– Вот так. Еще один день прожит, теперь надо пережить ночь.

Почему ему надо пережить ночь? А парень грустно посмотрел на меня.

– Дожил. С зайцами разговариваю…

И почему со мной нельзя поговорить?

– А может, оно и неплохо. Ты меня точно не предашь, никому ничего не расскажешь…

Не предам. И не расскажу.

– …а хотя бы одна живая душа рядом быть должна. Ведь еду в гадючье гнездо…

Странно. Гадюки гнезд не вьют, это и ребенку ясно. А куда он тогда едет? Мне стало интересно, я подергала ушами, подобралась поближе и ткнулась мордой в руку. Ладно, перетерплю, тем более что пахло от мальчишки вполне неплохо, молодым и здоровым телом.

– Хоть ты меня поддерживаешь. Вот беда-то… и ехать не хочется, и не ехать нельзя – и убьют меня там. Уж точно попытаются.

Я дернула ушами, но слушать продолжала. Как оказалось, у паренька умерла мама и он должен был ехать на похороны. Странно, почему детеныш не жил с матерью?

Потом вопрос прояснился. Отец мальчишки умер, и его мать вышла замуж второй раз, у нас тоже так делают. Самке с детенышами сложно охотиться одной, к тому же она уже доказала свою плодовитость, может принести еще щенков…

А в этот раз матери щенка попался плохой, бешеный самец. Который решил сожрать чужого щенка, вместо того чтобы наплодить своих. Такое тоже бывало, но у нас таких загрызали – и быстро. А тут вот не получилось… плохо.

И он попытается загрызть парнишку. Только если у нас это приходится делать самому, то здесь он может нанять людей – и убить пасынка чужими руками.

Мерзость!

Скотина бешеная!

Но меня это все равно не касается. Я побуду недолго с пареньком, а потом удеру. Еще не хватало – свою шкурку под стрелы подставлять… интересно, а кормить меня будут?

Хочу морковки…

Колин

Зайка сидела рядом, я гладил ее и выкладывал что на душе накипело. Странно, но бессловесное животное вело себя лучше множества людей. Не лезло с комментариями, не пыталось давать советы, не дергалось и не сбегало посреди разговора…

Ладно-ладно, все я понимаю, но хоть с кем-то поговорить. С Шарком?

Тому лишь бы службу нести, а что у меня на душе – ему и дела нет. А больше никого нет рядом. Раньше хоть тетушка выслушивала, если очень накатывало…

И мамы больше нет… я еще доберусь до горла отчима, Богом клянусь! Он у меня кровавыми слезами заплачет… тварь!

Зайка прянула ушами и смешно дернула носом.

– Поедешь со мной, пушистик? Поедешь… Хорошо тебе. Ни родных, ни друзей, ни проблем, ни переживаний, даже если твоя мать умрет. Ты и не задумаешься… Ладно, сиди здесь. Дверь я запру. Надо еще коня почистить, а то Обмылок – скотина своевольная…

Я еще раз потрепал зайца по пушистой шубке. Красивая заюшка, хорошая, умная…

– Жаль, что ты не собака…

И пошел на конюшню, пока моя зверюга всех конюхов не перекусала.

Зая

Парень ушел, и я услышала, как снаружи лязгнул засов. Спрыгнула с кровати, отбежала в угол, туда, где меня нельзя будет сразу заметить от двери, сосредоточилась. Жаль ему, что я не собака! А мне-то как жалко, что я не волк, знал бы ты!

Р-раз…

По телу проходит судорога, как будто ты долго сидела в одной позе.

Два.

Удлиняются конечности, втягивается вовнутрь пушистый мех, на лицо падает прядь светлых волос.

Три.

С пола поднимается девушка, то есть – я. Поправляю шнурок на шее и провожу по себе руками. Все в порядке. Это надо контролировать, а то часто можно увидеть молодняк в полуформе. Или со звериной мордой, или наполовину в шерсти, или с человеческой головой, но в волчьем теле… тут надо опять оборачиваться в зверя и обратно в человека, а то застрять можно. Но у меня так ни разу не бывало.

А вот что теперь делать? Ну, для начала осмотреть комнату. В человеческих глазах она выглядит еще более замызганной, чем в звериных. Кровать узкая, пол грязный, от ночной вазы под кроватью нестерпимо воняет, но этим можно пренебречь. Со вздохом облегчения встречаюсь с вазой. Вряд ли Колин додумается вынести меня в уединенное место и оставить там одну, а делать свои дела принародно, да еще когда на тебя смотрят… нет, настолько я не озверела.

Ф-фу… жизнь вновь становится прекрасной и удивительной.

Та-ак, а куда содержимое вазы вылить? Не оставлять же так?

Я бросила взгляд на окно. Подошла, попробовала раму… открывается. Фу! А в нос как вонью шибает!

Есть там кто из людей? Нет?

Вот и ладненько, все равно тут воняет.

Содержимое вазы отправилось за окно, а я опять отошла в угол. Надо перекидываться в зайца – и лучше сделать это спокойно. Ах да… деньги…

Хотя – нет. Брать у Колина я ничего не буду. Во-первых, непорядочно это – обкрадывать своего спасителя. Во-вторых, наверняка он сразу обнаружит пропажу и пойдет шум. В-третьих, спрятать деньги пока некуда, только в мешочек на шее. Нет, не надо…

Я опускаюсь в углу на колени и выдыхаю, чтобы не вскрикнуть. Белая шерстка пробивается сквозь такую же белую кожу, исчезают волосы, руки и ноги вновь становятся лапами – и вот в углу уже вновь сидит белая зайка. Очень вовремя.

Колин вернулся минут через десять. Улегся на кровать и принялся гладить меня. Кажется, просто потому что нервничал. Руки вроде заняты – и чуть полегче. Я подумала и улеглась ему на грудь. Свернулась комочком, засопела… Ладно уж! Если меня сюда занесло – помогу чуть-чуть мальчишке. Он ведь не виноват в том, что человеческая стая бешеных самцов не загрызает.

Идиллию разрушил стук в дверь.

– Да?

– Господин, ваш ужин…

Ужином оказался большой поднос с несколькими мисками и кувшином. А еще там лежали капустные листья и несколько морковок. Колин огляделся, потом стряхнул на поднос ломти хлеба с одной из тарелок, положил туда мою еду и опустил на пол.

– Прошу вас, госпожа…

Я спрыгнула и принялась грызть морковь. Вкусно… Потом мне налили в ту же тарелку воды. А потом Колин улегся, взяв меня с собой на кровать – и уснул. Я подумала, распласталась поудобнее и тоже уснула.

Что бы ни ждало впереди – сейчас надо было набираться сил.

Ночь. Деревня оборотней. Калайя, жена вожака. Мать Заи

– Что ты собираешься делать?

– Скоро полнолуние, поэтому сейчас я искать девочку не могу. Отсылать кучу неуправляемых балбесов носиться по лесу?

Я кивнула. Полнолуние – сложное время для вожака. Стаю надо собрать, вести за собой, надо контролировать молодняк… Мы умные и сильные, да, но в зверином обличье нам тоже можно причинить вред. Да, мы устойчивее к ядам, на нас все быстрее заживает, но поможет это оборотню, который с юной дури попадет в болото? В лощину зябников? В пасть туманника? Даже в лапы к обычному медведю попадать не советую…

– А после полнолуния?

– Я уже пытался пройти по следу. И попросил Марси.

– И что сказал этот лис?

Марси, огненно-рыжий матерущий лис, старый друг моего мужа, Зайку любил. И узнав, что она сбежала из-за Лайсы, долго возил лисицу за хвост по деревне. Поделом сучке…

На Райшена тоже все смотрели волками – быть ему покусанным в это полнолуние, не иначе. И правильно!

Скотина блохастая! Если б он не морочил голову моей девочке, та бы не сбежала. Ну, хочешь ты эту рыжую дрянь – твое дело, честно сказал бы все Заюшке и не скрывался. Я дочку знаю, она сильная. Поплакала бы с месяц – и успокоилась. А он вот крутил на две стороны. Конечно, Зая почувствовала, что ее все предали и бросили. А в таком состоянии…

Мы не люди, у нас иной разум. Очень часто оборотни-подростки срываются, и мы, старшие, привыкли с этим справляться. И попади Зая в лапы кому-то из старших, ее бы успокоили, объяснили все, утешили… не успели!

Нет, хвост я Райшену таки вырву!

Лично!

– …Что девочка упорно двигалась к границе Леса.

– ЧТО?!

– А что тебя так удивляет, родная? Похоже, дочка решила уйти к людям.

– Но она ведь…

– Да, оборотень. Но она – заяц. И кстати, она себя сильно недооценивает. У нас вечно не было времени поговорить, а то я бы ей объяснил, что она вовсе не худший оборотень.

Я тихо зарычала. Муж чмокнул меня в нос, заставляя спрятать клыки.

– Всем рот не заткнешь, ты это отлично знаешь. Но подумай сама, наша девочка не теряет разума в ипостаси зверя, перекидывается в любой миг по своему желанию, может сколь угодно долго не менять облик… ну дней пять-шесть точно…

– И все же – заяц…

Муж вздыхает.

– Да. И что с этим делать, я не представляю…

Я тоже не представляла.

– Ты пойдешь за ней?

– После полнолуния, вместе с Марси. И попробую уговорить ее вернуться.

– Я надеюсь на тебя…

Заинька, зайка моя, где ты сейчас? Только бы все было хорошо, только бы жива была, люди – твари злобные, я знаю…

Зая

Два дня нашего путешествия прошли спокойно. Мы ехали и ехали. Меня сначала слегка укачивало на лошади, но потом я приноровилась и даже начала получать удовольствие. А что?

Кормят, чешут, гладят, везут – и денег не требуют. Единственное неудобство – Колин решил, что я дрессированная, то есть понимаю людские команды, а как реагировать – я не знала. Вот и стала выполнять простейшие, вроде «сидеть», «лежать», «голос»…

Я же не знаю, как с этим у людей, – вроде бы так, отец рассказывал. Зато это объясняет другие мои странности. Что я не убегаю, что у меня на шее мешочек, в который, кстати, Колин пытался заглянуть. Но я упорно выворачивалась, кусалась, хотя сначала и не до крови – и парень понял, что лучше оставить меня в покое. Вот и правильно.

Да и с командами меня не сильно тревожили, разве что по вечерам. Колин командовал, я то садилась, то ложилась, а еще мальчишка хотел научить меня притворяться мертвой. Командовал, укладывал меня, в качестве поощрения подсовывал кусочки яблока – я не возражала. Яблочки мне тоже нравились, так что можно и подыграть юноше.

К тому же я стала изучать людей.

Они оказались очень интересными существами. Вот как можно говорить одно, а думать другое? И надеяться, что все примут за чистую монету?

Например, старик по имени Шарк терпеть не мог человека, к которому все обращались «капитан», но внешне это никак не проявлялось. Только запахом, жестами. Колин тоже не любил капитана, что было вполне взаимно. При этом разговаривали они вполне спокойно, но запах неприязни прямо-таки залеплял мне ноздри. Странно, мы бы уже давно в глотку вцепились, а они терпят друг друга… непонятные существа. Но присматриваться я старалась. Мне среди них жить, как-никак…

Шарк спокойно относился к блажи Колина, капитана она бесила. Солдаты кто посмеивался, кто пожимал плечами, кто вообще отмахивался.

А вот на третий день пути…

Капитан был как-то необычно возбужден, но изо всех сил старался это скрыть. Когда мы с Колином вышли из очередного трактира – вернее, шел Колин, а я сидела у него на руках, – от него прямо волна запаха хлынула. Люди вообще сильнее воняют, когда тревожатся. Встревожилась и я.

Людей я знала мало, но будут ли они беспокоиться просто так?

Будут.

А вот скрывать свое волнение от окружающих уже вряд ли…

Я тоже забеспокоилась. Если он такой возбужденный… Что-то затевается, точно! И наверняка недоброе. Я закрутилась на руках у Колина, стараясь дать ему это понять. Мальчишка успокаивал меня, но я только сильнее нервничала, уже не разбирая, где игра, а где настоящая тревога.

Шарк подошел, взглянул на меня.

– Что с ней?

– Не знаю. Как вышли, так и беспокоится чего-то…

Вояка задумался. А потом покачал головой.

– Ночью спокойна была?

– Да. А сейчас вот…

– Собак рядом вроде как нет… может, чует что?

Да чую, чую, чую!!!

Шарк, миленький, пойми меня!!!!

– Волка?

– Разве что двуногого… наденьте кольчугу, лорд. И мы наденем, только незаметно…

Я перевела дух.

Беспокойство никуда не ушло, но мне стало чуть спокойнее. Если Шарк готов ко всему, это уже много значит. И я тоже готова…

Я ехала и прислушивалась. Принюхивалась, всматривалась, хотя последнее получалось не очень…

И не зря.

Мы, оборотни, в звериной форме обладаем великолепным нюхом. И сейчас я чуяла…

Ветер, дувший в лицо, доносил до меня запах людей. Их было человек пять… может, шесть. Все сидели, все были напряжены… я поставила ушки торчком.

Потом задергалась, забила лапками…

– Зая, заюшка, что случилось?

Колин попытался меня успокоить, но внутри меня словно тетива натягивалась. Внимание было хищным, злобным, жестоким…

Мы, зайцы, не умеем рвать добычу клыками, но мы отлично чувствуем, когда хотят порвать нас. Напряжение нарастало, становилось невыносимым, сводило внутренности жестокой судорогой… Не могу больше!!!

Я задергалась еще сильнее и спрыгнула на землю. Колин выругался и спрыгнул вслед за мной. И в этот момент над Обмылком свистнуло.

Я и не сообразила сначала, что происходит. Но когда Колин упал на землю, крикнув людям «Ложись!», когда свистнуло еще несколько раз – вот тогда я и поняла, что в нас стреляли.

Благодаря строению глаз я могла видеть все, что происходило на дороге. Капитан и его люди повернули лошадей и понеслись обратно. Колин остался на месте, потому что Обмылок заржал и помчался вперед по дороге. Один из солдат Шарка устремился вдогонку, но стрела свистнула еще раз – и он упал на конскую шею. Второго героя не нашлось.

Колин рядом со мной выругался непонятными словами.

Страшно…

Колин

Путешествие шло так гладко, что мне даже было удивительно. Ан зря.

Неприятности начались, когда их никто не ждал. Забеспокоилась зайка. Принялась дергаться, нервничать, а потом и вовсе спрыгнула с коня.

– Куда, дура!

Я спрыгнул вслед за ней – и тут же понял, что она-то умная. Потому что свист стрелы рядом с тобой ни с чем не спутаешь.

Дядя нас так натаскивал. Меня и своих сыновей – один становился к мишени, а два других целились и стреляли. Так что и меткость, и увертливость мы с детства тренировали. Вообще, для рыцарей это нехарактерно, но у дяди служил один степняк, он и надоумил. И правильно. Страшное оружие – лук в умелых руках.

А в следующий миг разразился ад…

Из леса полетели стрелы. А на дороге…

Отряд капитана схватился с моими людьми.

Шарк рубился с Крашри – и выигрывал, пока из леса не прилетела стрела, клюнув старика в плечо.

Но он даже не обратил внимания – кольчуга под одеждой у него была как вторая кожа.

– Колин, беги!!!

Я бросил взгляд вокруг.

В такие минуты как-то особенно четко все воспринимается. Моих – десяток, их – десяток, но поддержан стрелами, а теперь эти гады лупили по коням… я свистнул. Резко и зло. Слава богам, Обмылок не убежал далеко. Наши кони были приучены не оставлять хозяев… Были…

Помочь тут ничем нельзя, кроме одного.

Если я скроюсь, у Шарка будут развязаны руки. А я могу еще попробовать добраться до гадов в лесу.

Обмылок, услышав свист, сделал то, к чему приучили, а именно замер рядом со мной и опустился на колени. Я же сделал то, чему учили меня.

Лес был с одной стороны. С другой – поле, поэтому стрелами лупили только с одной стороны. Я схватился за седло. Извернулся, вытянулся вдоль конского бока. Долго так не провисишь, но мне долго и не надо. Лишь бы из-под обстрела выбраться.

Зайка вдруг прыгнула на седло. Я хлопнул Обмылка по шее – и конь сначала медленно поднялся, а потом вдруг рванулся рысью, унося меня из-под обстрела.

– Держи мальчишку!!! – заорал кто-то, но куда там!

Стрелки меня не видели, а догадаться, что я прицепился сбоку к коню на манер кочевника, не могли. Это там принято так натаскивать коней. Старик-кочевник Карх, которого нанял дядя, вообще на полном скаку мог под брюхом лошади проползти, цепляясь за сбрую, мог висеть так, как я сейчас, хоть час, управляя конем только словами, без узды…

Я так пока не умел, буду жив – в ножки ему поклонюсь за ту науку.

Обмылок уверенно уносил меня из-под обстрела. Когда мы скрылись за поворотом дороги, я остановил коня и отцепился. Спрыгнул на дорогу, огляделся. Я более или менее в безопасности, но что делать дальше? Ехать за помощью? А где я ее найду? Удирать? Увольте… Я – лорд, а не трусливый заяц. Хотя заяц зайцу рознь.

Выход был один.

Идти и разбираться с теми, кто в лесу. А что тут еще остается? Все предельно ясно.

Рыло, мразь такая, отдал приказ своему капитану, чтобы меня уничтожили по дороге. Послал человек пятнадцать-двадцать, десяток приехал за мной, а остальные ждали в засаде.

Потом, когда мы доехали до нужного места, нас обстреляли – и принялись резать моих людей. Если бы не зайка, меня бы первой стрелой свалили – и все. Конец.

– Ну что, заюшка, кажется, все? Я сейчас пойду искать засаду, а ты меня вряд ли дождешься на дороге, как верная супруга. Да и я вряд ли вернусь. Но и иначе поступить не могу…

Я погладил умную зайчишку, которая так и сидела на седле.

– Хорошая заинька. Если выживу – с меня морковка. Эх, вот если б ты была собакой и смогла найти тех, кто в лесу. Скомандовать тебе – ищи…

Зайка спрыгнула с седла и скакнула в сторону леса. Остановилась, повернулась ко мне, к лесу… Я почувствовал себя дураком.

Она что – знает эту команду?

Зая

Сначала я растерялась. Это уже потом мне стало ясно, что на Колина кто-то напал. Шарк – старого вояку я уважала, иногда представляя себе в роли седого волчары, – остался на дороге, там, где шел бой, а я удрала вместе с Колином, до последнего оглядываясь на людей, которые отдавали свои жизни за мальчишку.

Хотя не так уж они и отдавали. Стрелы из леса летели густо, но тайно надетые под плащи кольчуги спасли почти всех в первую минуту. Били-то в туловище…

Лучники в Эрлине были не в большом почете, здесь это оружие считали низким и подлым, потому особенно и не натаскивали вояк. И из леса били по телам, не в голову, куда попасть сложнее. А тела-то в кольчугах!

Это потом они принялись бить по лошадям, но опытного вояку так не убьешь. Даже если коня и не спасет, сам вполне побережется. И сможет воевать дальше. Конь уносил нас, а я видела, что у нас уже убили четырех коней и одного бойца, а остальные вполне живы. Шарк рявкает команды, отбиваясь от капитана, те, кто спешился, занимают позиции за тушами коней и тянут из притороченных к седлам мешков свои луки…

Мы остались втроем. Я, Колин, Обмылок. А вот что теперь делать мне? Сбежать проще всего. Не догонят. А может, и догонять некому будет.

Но… жалко.

Они меня от волков спасли, а я им даже долг не отдам? Неблагодарной тварью буду?

Нет, такого я не хочу. Я не Лайса, не Райшен, не… неважно!

А вот что я могу сделать?

Мало что, очень мало. Опять-таки, я не волчица, не медведица, да и не поможет это сейчас. А вот что у зайцев хорошее?

У всех оборотней?

Нюх.

Я могу вывести Колина прямо на засаду. Тем более что мальчишка туда и так собирается. Достал короткий, но даже на вид очень мощный лук со стрелами, проверил метательные ножи, подергал меч – легко ли выходит из ножен, достал и нацепил шлем, снял плащ и оставил на седле, отвел Обмылка с дороги…

Отвести его – или идти своей дорогой? Мальчишка погладил меня. Видно было, что ему страшновато, но бросить своих людей и убраться куда подальше он не может… Этот довод был сильнее всех остальных. Парень на смерть, может, идет, а я его брошу? Даже не так.

Если я его брошу – это будет верная смерть. А вот если останусь с ним – шансы появятся… и тут Колин принялся прощаться.

Нет уж!

Перебьешься умирать!

Я спрыгнула с лошади и оглянулась на Колина. Мол, идешь?

Выражение лица у паренька стало неописуемым. Но… он поколебался пару минут – и направился за мной.

Я перевела дыхание. Был бы на его месте кто-то другой, мне бы ни в жисть не поверили. Или вообще пинком с дороги прогнали. А вот Колин мог и пойти за зайцем как за проводником, веря, что я умная. И почему бы не верить?

Я свой ум уже доказала…

Шарк, десятник стражи

Когда Колин с утра сказал, что заяц беспокоится, я первым делом подумал о засаде. А что, был у нас один такой, с ручными крысами. Его зверьки начинали беспокоиться, как раз когда на нас собирались нападать, за несколько перестрелов или десятков перестрелов до засады. Почему бы и зайцу не беспокоиться? Это ведь не обычное дикое животное из леса, она явно ученая, Колин показывал, как его зайка выполняет простейшие команды вроде «сидеть» и «лежать».

Может быть и так, что зайчиха что-то чует…

Я приказал ребятам надеть кольчуги под одежду и быть ко всему готовыми.

И не удивился, когда из леса полетели стрелы. Поднял коня на дыбы, развернул поперек дороги, отсекая погоню от Колина, велел мальчишке бежать – и сцепился с Крашри.

Может, я сегодня и умру, но тебя, гнида, с собой заберу наверняка!

Клинки скрестились, я видел, что не я один уцелел, двоих свалили стрелами, но вроде бы просто оглушили, кольчуги-то у всех под одеждой…

Стрелы теперь полетели в коней.

С-суки…

Ничего, сколько-то мы тут продержимся. Если бы не лучники, мы бы Крашри с его сявками тут и уложили, но стрелы, стрелы…

Значит, будем держаться до последнего.

Колин

Я шел по лесу, ориентируясь на кончик белого хвостика. Зайка двигалась впереди так, что я мог спокойно идти за ней. Поджидала, опять скакала вперед, в направлении стрелков. Это-то я понять мог… М-да, кто бы ни обучал заюшку – этот человек сокровище, иначе и не скажешь.

Обязательно найду его и золотом одарю. Еще и мало будет за такое.

Хотя… останусь ли я жив?

Особых иллюзий я не питал. Если там будет человека два-три, есть смысл побороться. И то если пару я положу издалека. А если больше…

Но я дам передышку Шарку с его людьми, этого будет достаточно. Старого вояку я хорошо знаю, наверняка они еще живы и сражаются. Дать ему возможность – и всех людей Крашри они там на дороге и положат, наверняка. Я за эти дни оценил оба отряда – люди Крашри особенно не скрывались. Шавки дворовые. Филип у себя таких не держал.

Я осторожно, чтобы не нашуметь, отвел ветку от лица. Если собираешься воевать – будь готов отдать свою жизнь. Жаль только, если Рыло останется безнаказанным. Но я еще не мертв и очень постараюсь выжить!

Зая

Колин шел за мной как привязанный.

Я прыгала впереди, прислушиваясь и принюхиваясь. Стрелы все еще посвистывали, но вовсе не так часто, как я боялась. Их запас у нападающих был не бесконечен.

Для оборотня провести человека по лесу так, чтобы веточка не хрустнула, – задача непосильная. Как ни крути – Колин был тем еще лосем. Если он мог наступить на сухую ветку – он на нее и наступал. Спасло другое: люди были с обеих сторон. А значит, неуклюжесть, бестолковость и неумение слушать лес были одинаковы и у тех, и у других. Оставалось только зайти стрелкам со спины.

Их было пятеро.

Крепкие мужики в одежде буровато-зеленоватых тонов. Все с луками, все с короткими мечами и кинжалами. И стреляют. Мы даже видели в кого. Тракт делал здесь петлю, лес подходил почти вплотную – и засада была подготовлена умело. Негодяи видели все, что происходит на дороге. А вот их было увидеть практически невозможно. Удобный пригорок, не слишком густой подлесок, в котором они очистили коридоры для стрельбы… Крысы бешеные!

Но бой продолжается. А если они пока стреляют, значит, Шарк и люди Колина все еще живы…

Колин на минуту замер. Потом достал лук, прицелился – и я ушла в сторону. Затопчут ведь. Я не волчица, хотя сейчас многое бы за это отдала.

Свистнула первая стрела, один из разбойников подломился в коленях и осел на землю. Медленно, так медленно… Время растянулось словно сосновая смола, которую мы любили жевать…

Колин

Заюшка, умничка моя, с меня золотой ошейник!

Она вывела меня аккурат в спину засаде.

Их было пятеро. И все производили впечатление хватких и ловких. Плохо. Двоих я точно положить успею, остальные же…

Остальные уложат меня. Почти наверняка.

Ну и пусть. Бросать своих людей меня никогда никто не учил. Если я уберу лучников, то у Шарка и остальных может появиться шанс – и старый вояка его точно не упустит. Я тихо достал лук, бросил стрелу на тетиву, несколько воткнул в землю рядом с собой, чтобы не лезть в колчан, коснулся пальцем наконечника стрелы.

Острый. С такого расстояния может и кольчугу пробить, но лучше целиться в горло.

Время потекло медленно-медленно, как в дурном сне, когда все понимаешь, но не можешь проснуться.

Я наложил первую стрелу, тщательно выбрал мишень – и первая смерть отправилась в полет.

Зая

Колин был великолепен. Он не стал бросаться на засаду с воплем «Сдавайтесь!!!». О нет. Он выбрал позицию, чтобы до него было неудобно добраться, – за старым поваленным стволом, приготовился – и выстрелил первый раз.

Один из стрелков захрипел и повалился, хватаясь за горло.

Четверо остальных тут же развернулись в ту сторону, откуда прилетела стрела.

Второй нашел свою смерть. Но больше Колин ничего не успел. Трое бросились к нему, грамотно уворачиваясь от стрел.

Мальчишка отбросил свой лук и схватил меч. В другой руке блеснул метательный нож.

Я едва не зарычала… ну почему я не волк!? Что я могу сделать?!

А вот что…

Луки были брошены на полянке.

Кто бы ни победил, а это сделать надо…

Зайцы – грызуны. И зубки у нас хорошие, тетиву перекусывают в мгновение ока. Ну ладно, не в мгновение, потереть ее понадобилось так и сяк, но в результате для стрельбы они стали непригодны.

Это заняло у меня пару минут – и я опять перенесла внимание на Колина.

Мальчишка дрался так, что я его зауважала. Один из нападавших улегся-таки на траву с ножом в горле, но двое других действовали согласованно. Они нападали с разных сторон, старались прижать Колина к дереву, лишить подвижности, но лорд пока еще держался не столько благодаря отличному владению мечом, сколько из-за особенностей местности. Лес… Пот тек по его лицу, глаза горели недобрым синим блеском. И все же мне было очевидно – долго так не продлится. А, была не была.

Я принялась подбираться поближе.

Еще ближе… никто меня не замечал, не до того…

Отлично!

Зайцы – высоко прыгающие существа. И орать мы можем.

Что сделает нормальный человек, когда у него из-под ног взвивается в бешеном прыжке белый комок и душераздирающе орет?

Шарахнется. И Колин не упустил своего шанса – достал негодяя самым кончиком клинка, но хорошо так, по шее, кровь потоком брызнула.

Оставшийся в одиночестве наемник криво ухмыльнулся, оценил свои шансы и решил попробовать добить мальчишку. Опять засверкали мечи. Меня негодяй никак не связал с Колином – дрессированные зайцы вообще редкость. Я притаилась, ожидая случая помочь.

Не пришлось. Колин оступился.

Дернулась рука…

Юноша осел на поляну с мечом в груди.

Я вскрикнула еще раз.

Убийца подошел поближе.

– Туда тебе и дорога, лорд…

Зря он это сделал. В руке Колина прощальным блеском сверкнул последний метательный нож.

Я отбежала чуть подальше и принялась перекидываться. Бросать парня на произвол судьбы я не собиралась.

Колин

Двоих мне удалось положить стрелами. Еще одного – метательным ножом. Помогло то, что я еще мальчишка. От меня просто не ждали ничего серьезного, рассчитывали, что я подниму руки вверх и покорно сдамся.

Ага, размечтались.

Схватка вышла недолгой, но достаточно кровавой.

Двое оставшихся подонков нападали слаженно, действовали грамотно, и я понимал, что долго не продержусь. Надежда была на еще один метательный нож, но я никак не мог его использовать. Либо отобьют, либо увернутся. Оставалось только ждать…

Дикий крик прорезал тишину леса.

Как кричит заяц?

Страшно. Как будто ребенок.

Белое пятно взметнулось из-под ног бандита в грандиозном прыжке.

Зайка!!!

Убью гада!!!

Подонок шарахнулся ко мне – и я успел достать его мечом, хорошо так достать, поперек горла. Одним меньше. Остался только один, но я тоже долго не продержусь. Бешено колотится сердце, с каждой секундой тяжелеет кольчуга, пот заливает лицо, пальцы с мечом сводит судорогой… Эти типы сильнее, а моя рука уже немеет…

Я бросил взгляд в сторону. Зайка цела?

Белое пятно виднелось рядом, прядало ушами, смотрело тревожными голубыми глазами…

А вот отвлекаться не стоило, за то я и поплатился. Меч бандита отвел в сторону мой клинок – и в следующий миг в груди стало ужасно холодно. Холодно и так больно…

Кажется, я падаю на спину, медленно опускаюсь… Приходит чудовищная, всепоглощающая боль, издалека слышится крик, а потом весь мир заслоняет лицо подонка – и у меня хватает сил еще раз взмахнуть рукой.

Нож вылетает из слабеющих пальцев со всей отпущенной мне силой жизни – и находит свою цель так, словно я его вкладываю туда рукой. Темнота застилает глаза…

Смерть?

Мама, прости меня. Я не смог…

Шарк, десятник стражи

Пять – два. У нас пятеро, у них двое. И Крашри я умудрился оглушить. Валяется теперь в сторонке, связанный на скорую руку. Мы спешились и теперь отбиваемся от конных, прячась за трупами лошадей.

Стрелы летят непрерывно – так нас всех тут положат. Ладно.

Главное, что мальчишка удрать успел.

Я мечом отбиваю в сторону копье. Ножом бы тебя, тварь такую, достать, но высунуться не дают. Стрелы, даже если не пробивают кольчугу, все равно дают весьма болезненные ощущения. И кто его знает… Вон у Тома оказалось несколько слабых колец – и отбегался парень.

Надеюсь, Колин приведет подмогу. А даже если и нет – мы их не пропустим вслед за мальчишкой. Уж это я могу… Мы пока еще можем.

Перед глазами дрогнула стрела, вонзившаяся в лошадиную тушу.

Держаться и держаться.

Я вытер пот со лба и даже не сразу понял, что стрелы лететь перестали. И вояки оглядывались на лес – а оттуда ничего не было.

– В атаку!!! Марн, Крег, стрелы!!!

Ребята рванулись согласованно. Трое отвлекали внимание, двое наконец-то достали луки и стрелы. Ситуация резко изменилась.

Горе-вояки не стали строить из себя героев – и удрали после первых пяти выстрелов. Оно и понятно, задаток они взяли, подельников их положили, командир вон валяется в виде хорошо увязанного бревна, лорд ушел, и догнать его они вряд ли смогут – стоит ли при таком раскладе сражаться до конца? Они и не стали. Преследовать их тоже никто не собирался. Но почему перестали стрелять?

Колин привел помощь?

Или…

Ладно, сейчас мы чуть осмотримся, перевяжем раны – и в лес. Хотя я думаю, что те, кто нас выручил, появятся раньше.

Зая

Перекинуться было делом десяти секунд, и я бросилась к Колину. Парень был без сознания, но еще дышал. Я посмотрела на меч.

М-да, та еще пакость. И грудь пробита – скорее всего, задето легкое.

Что же делать, что делать…

Я резко выдохнула, вдохнула…

Спасать – или не спасать?

Странный вопрос. Он спас жизнь мне, я должна вернуть долг. Как?

А просто…

Жив-трава. Лучше всего действует свежая. Но порошок тоже обладает воистину волшебным действием. Того количества, что у меня есть, хватит человек двадцать с того света вытащить, если не больше. Ладно, с учетом раны – Колину двойная доза.

Мешочек слетел с шеи, пальцы рвали завязки… вот он, серый порошок, ценнее которого нет на свете.

Так, переложить парня на плащ, бесцеремонно сорванный с одного из трупов, повернуть на бок, кое-как подпереть, чтобы не упал.

Теперь нужна жидкость. Любая, лучше родниковая вода, но сойдет даже вино. Я оглядела поляну и усмехнулась при виде кожаных мешков. Явно с удобством располагались. Ну-ка, что тут…

В мешках оказалась пища, одежда, кое-какие вещи и, что самое приятное, – перевязочный материал. Нащипанная корпия, несколько полос длинной белой ткани для перевязки, кое-какие мази, которые тут же полетели в мох – ими и лошадь лечить не стоит, и самое приятное – пять фляг. Все с вином. Четыре с красным, одна с белым. Ладно, если другого выхода нет – красное вино тоже сойдет. Я по запаху выбрала самое крепкое, потом осторожно отмерила две щепотки жив-травы и всыпала внутрь. Вот так.

Посмотрела на Колина.

– Не умирай, мальчик. Не надо…

И только потом поняла, что синие глаза открыты.

Колин

Надо мной парил посланец небес. Девушка.

Она была невероятно красива. Белые волосы окутывали нежное тело, прекрасное лицо было встревоженным и серьезным, голубые глаза светились состраданием…

Она была полностью обнажена, но, наверное, так и надо? Я же не знаю: как там, на том свете? И ее нагота казалась такой чистой, такой нежной… Она словно светилась под сводами леса, так красиво, так…

– Не умирай, мальчик, не надо…

Я попытался вздохнуть, чтобы ответить, что это не важно, правда! Она ведь со мной, а если там *так* – это уже вовсе не страшно. Она ведь хорошая, она настоящая, правда?

Но боль так рванула грудь, что я застонал – и опять погрузился в темноту. Но страшно уже не было.

Только больно немного…

Зая

Вечный Волк!

Колин меня видел!

Ну и ладно! Все равно на мне не написано, что я – заяц! А вот как теперь…

Сначала надо вытащить меч и полить на рану. Потом напоить мальчишку вином. Справимся?

Еще как. Мама меня часто водила к травнице, а деревня оборотней – это не небесный лес. Мы часто получаем травмы, и вот те раны, с которыми не может справиться природа, – они страшные. Действительно страшные.

И все же я умею лечить. Спасибо старой Фрайше за науку…

Рассуждения не отвлекали меня от дела. Руки уверенно повернули тело парня поудобнее, протерли лезвие меча, плеснули жидкостью на рану. А теперь…

Прижать, чтобы не смог вырваться, – и выдернуть меч.

Колин вскрикнул и обмяк. Кровь хлынула потоком. Я дала ей стечь – совсем немного, а потом ловко прижала рану куском ткани. Вот так. Теперь влить в нее вина – и перевязывать.

Жив-трава обладает волшебным действием. Мертвого на ноги поднимет. Вот и кровь уже утихает, дня два Колин проваляется, а потом встанет на ноги, никуда не денется…

Остаток вина надо влить ему в горло… только вот юноша без сознания. Пить он не сможет, а когда он придет в сознание – я буду в облике зайца и помочь ничем не смогу. Что же делать?

Выход был, но…

Я немного поколебалась.

А потом махнула рукой. Это лечение – и только. Набрала вина в рот. Хотя вином это назвать было уже сложно. Жив-трава сильно горчила, так что губы горели. Я осторожно прикоснулась губами к губам Колина, заставляя их раскрыться, и вливала вино изо рта в рот, строго следя, чтобы он проглотил.

Раз, другой, третий… потом фляга опустела, а я туго перебинтовала юноше грудь.

Гладенький такой, совсем не как Райшен. Тот был весь пушистый, даже на спине волоски, мои пальцы запутывались в них, когда я его обнимала…

Не вспоминать!

Не сметь!

Колин дышал ровно, глаза его были закрыты… Все в порядке, умирать он в ближайшее время точно не собирается. Пользуясь своим одиночеством, я быстро обшарила тела – и прикарманила несколько золотых монеток. Будем считать это платой за жив-траву. Лечила я Колина не за деньги и помогала тоже, но если б эти негодяи не ранили юношу, я бы не потратила ценнейшую вещь. А за нее платят троекратно золотом по весу… Я просто беру свое – и далеко не все, что у них есть.

Губы горели… Жив-трава, это только она, разве нет?

Монетки отправились в заветный мешочек, тот – на шею, а я опустилась на колени.

Непреодолимая сила согнула меня и сложила вчетверо. Выстрелили вверх ушки, побежала по телу шерстка – и вот уже на траве сидит пушистая зайка.

Очень вовремя. Буквально через десять минут мне послышались голоса. Я прислушалась, узнала Шарка и издала резкий вскрик. И еще один.

Ага, кажется, меня услышали. Я уселась рядом с Колином, всем видом демонстрируя, что не отойду, и принялась ждать.

Шарк, десятник стражи

После того как мерзавцы ретировались, мы еще минут десять просто сидели, не в силах поверить в свое спасение. Если бы нас засыпали стрелами из леса – точно бы все здесь полегли, а так…

– Кто жив?

В живых оказались Марни, Том, Крег и Ройв. Ну и я сам. Остальных можно было не считать. Верту пробило грудь, да так неудачно… его бы и маги не спасли, последние минуты парню остались.

Еще в живых оставался капитан Крашри. Я довольно потер руки. Допросим потом. Но это как лорд скажет.

Лорд… интересно, где Колин? Хотя странный вопрос. Я сам учил мальчишку – и готов поспорить, что он с теми, кто перерезал лучников. Или…

– Крег, Ройв, разберитесь тут, Марни, Том – за мной. Посмотрим, что там, в лесу…

Мы кое-как спустились с насыпи, перебрались через канаву, в которую стекала вода… м-да. Место для засады выбрано идеально. Если бы мы попробовали добраться до тех, кто в лесу, – нас бы перестреляли, как куропаток. Подлесок достаточно густой, но не слишком высокий, стреле пролететь хватит, к тому же эти умники явно расчистили себе место. Я видел и сломанные кое-где ветви, и несколько срубленных деревьев, чтобы не загораживали обзор… Нам повезло.

Засада обнаружилась примерно через сто шагов. Пятеро мужчин в неприметной одежде. И – два пятна. Колин с туго перевязанной грудью. Белая зайка, сидящая рядом с ним.

Ругательство само сорвалось у меня с языка. Я буквально подлетел к мальчишке, упал на колени в густой мох, коснулся жилы жизни на шее…

Бьется.

Живой, слава небесам – живой!

Но… как?!

– Этих пятеро. Их явно лорд положил, – отозвался Том в ответ на мой взгляд. Парень был неплохим следопытом, но тут и он был в замешательстве.

– А кто…

Том обошел все кругом, задумался…

– Я еще посмотрю, ладно?

– Давай. И коня лорда поищи.

Двигаться отсюда я никуда не собирался. До завтра так точно здесь останемся. Колин на первый взгляд был вне опасности: дыхание ровное, румянец на щеках, перевязка сделана вообще отлично – я бы сам лучше не перевязал… Посмотрел на Марни.

– Давай к нашим, на дороге. Пусть уберут падаль – и сюда. Я пока тут.

Марни кивнул и направился обратно. Я принялся осматривать убийц и стаскивать их в одно место. Потом обыщем тела, а пока…

Они явно убиты лордом. Два – стрелами, два – ножами, один – мечом. Но вот кто помог мальчишке? И кто его ранил?

Ничего не понимаю…

Я посмотрел на зайца.

– Умела бы ты говорить, скотинка бессмысленная…

И занялся вещами, не забывая поглядывать по сторонам. Зайка, как и положено неразумной твари, молчала.

Зая

Скотинка?!

Бессмысленная?!

Ах ты… козел безрогий! Боров вислоухий!! Бык козлозадый!!!

Да я умнее тебя в несколько раз, но так и быть – не стану тебя разочаровывать! Надейся, что хотя бы зайцы глупее! Тьфу!

Люди – неблагодарные твари. Помогаешь им, помогаешь, а в ответ никакой благодарности! Ну и леший с тобой, главное, что Колин жить будет, и долго.

Тем более в остальном Шарк был вне нареканий. Он прикрыл Колина плащом, подсунул ему под голову какую-то скатку и принялся обшаривать трупы, только уже намного более тщательно, чем я. Оказалось, что я взяла не так уж и много. В одежде у них было зашито еще золото… откуда?

В итоге раздетые догола тела – Шарк оставлял на них только ту одежду, которая была вовсе уж безвозвратно испорчена, – нашли свой приют на краю поляны, а там и Том вернулся, ведя в поводу Обмылка.

– Ну что?

– Лорд смог уйти из-под стрел, погоня за ним не бросилась – и он остановился. Сошел с дороги, привязал коня, прошел в спину к засаде.

– С-сопляк!

Сам ты… с-старик!

– Двоих положил стрелами, еще одного – ножом. Потом какое-то время дрался с двумя, достал одного ножом, но второй его, похоже, сильно ранил. А вот дальше что-то непонятное.

– Кто еще тут был?

– Неясно. Следы маленькие и босых ног. И – все.

– Откуда этот босяк пришел?

– Непонятно. Словно бы сразу возник посреди поляны.

– А куда ушел?

– Так же непонятно. Еще и мы тут слегка натоптали, да и зайчиха…

– Ну, ты еще к зайке привяжись, – огрызнулся Шарк. – Спасибо скажи зверюшке, хоть и дура, но полезная. Если б она не дернулась – получил бы Колин первую стрелу.

Ладно. Дуру я тебе прощу… наверное.

– Так что не понимаю. Кто бы там ни был – меч он выдернул, лорда перевязал – и ушел, ничего не требуя.

– Ладно. Лорд очнется – его и расспросим. Поди пока оттащи эту падаль куда подальше в лес. Нечего им тут вонять.

– А мы тут ночуем?

– А то ж. Сейчас костерок разведу, кашу сварим, пожрем после боя…

– Я бы, может, птицу подстрелить попробовал? Ему бы бульончика…

Умный самец. Колину надо восстановиться после ранения.

– Займись, – кивнул Шарк и принялся обустраивать стоянку. К тому времени, как пришли с дороги остальные трое, у него было уже почти все готово. Трофеи в одном месте, костерок, в котором весело плюхает каша, нарубленные ветки для лежанки, крепко привязанный Обмылок, хрупающий овсом…

Я сидела рядом с Колином и присматривалась к его состоянию.

Жить будет. Все было сделано вовремя и правильно. Юноша останется жив – и это радует. А мне бы вот ненадолго отлучиться этой ночью.

Начиналось полнолуние…

Равашар, вожак оборотней

Полнолуние.

Время, когда сладко поет волк, когда пенится кровь в жилах и лапы несут тебя по лесу так, словно превратились в крылья.

Когда мы гоним добычу и, запрокинув голову, поем песни круглому оку луны в ночном небе.

Когда ветерок ерошит мохнатую шкуру и кровь на зубах пьянит сильнее вина.

Когда зверь вырывается на свободу – мы счастливы.

Это полнолуние, как и все остальные, – мое. Я веду за собой стаю, я пою, я приказываю. Я – самый сильный волк Леса.

Не физически, нет. Мы ничем не отличались бы от диких животных, выбирай мы вожака за тупую силу. Я самый опытный, самый умный, я лучше всех контролирую своего зверя, я могу помочь молодым оборотням – и поэтому я вожак стаи.

– Скоро начнется.

Калайя подошла незаметно, и я развернулся, чтобы поцеловать жену. Она у меня красавица и умница. Тоже редкое сочетание. Роскошная грива рыжеватых волос – ее волчица тоже рыжеватая, зеленые волчьи глаза, сильное крепкое тело, – она и сейчас выглядит как старшая сестра своей дочери. Волчья кровь…

Если оборотень выглядит стариком – ему пора в край вечной охоты к Великому Зверю, который есть родоначальник всех зверей.

– Ты споешь для меня, мой волк?

Почти ритуальная фраза. Мы всегда так говорили перед ночью полнолуния.

– Я принесу тебе добычу, моя волчица.

И все же ее глаза грустны. И я понимаю – почему.

Заинька.

Мой не самый удачный ребенок. Когда я впервые увидел, как моя дочь превращается в зайца, я чуть с ума не сошел от злости. Подшутил Вечный Зверь, не иначе.

Поколения моих предков, поколения предков Калайи – все волки. Иногда бывали и лисицы, и медведи, но в основном – волки. Все сильные, без проблем, что часто возникают у других. Слабому зверю сложно обернуться, он плохо контролирует себя поначалу, он забывает, что делал в звериной шкуре, он может перекинуться непроизвольно и потерять контроль над собой – такое бывает. Но не в нашей семье, нет.

Первыми чувствами были гнев, ярость, обида, разочарование. Я не кривлю душой перед собой – мне понадобился не один год, чтобы очиститься от этой мути. И все же… Она хорошая дочь.

Умная, добрая, ласковая.

К тому же – она себя полностью контролировала в любой шкурке, человеческой ли, заячьей ли. Всегда все помнила, могла перекидываться сколь угодно надолго и по своему желанию, никогда не теряла контроля над собой…

Это важно.

А шкурка заячья…

Ну так что же?

Мы многое утратили из наследия предков, но они никогда не откажутся от потомков. Среди нас нет никого, кто имел хотя бы две формы, а среди предков – были. И полиморфы в том числе. Они принимали любой облик по своему желанию и держали его на себе сколько им пожелается.

Но это было давно, так давно…

Калайя ткнулась мне в плечо.

– Рев, ты ведь найдешь ее, правда?

– Обещаю. Найду и верну. А ты разберись с мальчишкой и его рыжей девкой.

Я не мстил, о нет. Тут все было сложнее – и печальнее.

Наши обычаи гласят, что от своей пары гулять нельзя. Когда Вечный Зверь соединяет – он связывает души. Изменивший не сможет обернуться и навек останется ходить на двух ногах. Это страшно.

Сейчас этого обычая так жестко не придерживаются. Оборотни иногда нарушают старый закон. И еще один – тоже.

Он гласит, что оборотню до совершеннолетия ни с кем нельзя разделять ложе. Вообще.

Увы, наша молодежь такого требования не признает. Слишком горячая кровь, слишком сильны инстинкты, часто молодняк теряет девственность во время первого весеннего гона. Потом даже и не помнят, где и с кем. Бывает…

За это не осуждают, но Райшен встречался с моей дочерью.

Ухаживал, дарил цветы, плел венки, говорил о соединении судеб. Он приручил ее душу – и кинул об землю. Так нельзя.

Либо не давай надежду, либо исполняй сказанное. И Лайса тоже это знала. И гуляла с парнем, который собирался связать жизнь с другой, Собственно, Зая и Рай до сих пор не были парой только потому, что Зая поступала как все женщины в семье Калайи. До семнадцати лет она ни с кем не должна была спариваться. Потом – свобода, но до того – никаких гулянок. Мне, кстати, пришлось ждать Калайю до ее семнадцати, и ее деду пришлось ждать ее бабку, и младшую дочь мы так же гоняем… Это правильно. Да и ребята знают, что оторву все торчащее и стоящее. И это будет вовсе не хвост.

Если предки так завещали – может, и не зря?

– Р-разберусь, – рыкнула Калайя, выпуская и втягивая когти. – Р-разорву.

– Калайя…

Жена опустила глаза.

– Я все понимаю. Но моя девочка там одна… Да, для семьи позор, что она – заяц, слабый зверь, добыча для любого, но она моя дочь!

– И моя тоже. Я найду ее, обещаю. Не зверствуй, как-никак мальчишка выгнал Лайсу…

– Чтобы не быть изгнанным самому, нет?

Я фыркнул, вспоминая это представление. Лайса решила заявиться к любовнику домой, но куда там. Райшен объявил, что они виноваты и поэтому встречаться больше не будут. Вернется к нему Зая, не вернется – неважно, но Лайсу он больше видеть не должен, в наказание. И выставил рыжуху за дверь. А Шварра, его мать, еще и парой гнилых картофелин в нахалку кинула. Ну и попала, конечно.

Воплей и шума было на все селение, все смотреть сбежались…

– Даже если и так – не убивай его. Не надо. Он просто глупый щенок.

– А мой щенок где-то там… Рев, там люди! Они опасные злые твари! Они могут обидеть мое дитя! Они охотятся на оборотней! Найди ее, прошу тебя!!!

Жена прижалась ко мне. Ничего, вот закончится полнолуние, и мы с Марси пойдем по следам дочки. И обязательно ее найдем. Я точно знаю…

Лайса

Я сидела в хижине совершенно одна. Пойти к остальным девушкам?

Нет, не могу. Засмеют.

Зайка, добыча проклятая, все из-за тебя!

Из-за тебя Райшен выкинул меня за дверь своего дома, из-за тебя его мать кинула в меня гнилой картофелиной. Из-за тебя надо мной смеются все парни и я вынуждена прятаться.

Гнусная крольчиха!!!

Зайку я терпеть не могла с детства! За то, что она дочь вожака, за внешность, за… За Райшена..

Они с этой соплюшкой дружили, он за нее заступался, а я… Я умирала без него. Райшен нужен был мне весь, от кончиков когтей до кончиков волос. Он мой! И никому я его не отдам! Тем более этой бледной немочи!

Просто он сам пока не понял, что он – мой! А потом, когда у нас начало что-то получаться…

Какой лесной дух принес эту крольчиху к его дому?!

Да и принес – невелика беда! Посмотрела бы – и порвала все отношения с Раем. А она вместо этого сбежать удумала!

Стерва, гадина, дрянь белесая!!!

Можно подумать, я не знаю, что Райшен ее хочет! Еще как хочет – из-за ее непохожести на всех! Просто эта дурочка блюдет себя до свадьбы, до семнадцати лет, когда личина оборотня полностью устанавливается даже у самых слабых. Сильные вроде меня могут и не хранить целомудрие, но это не случай белобрысой твари!

А теперь на меня все смотрят как на врага! И Райшен ходит словно в воду опущенный…

О нет, из деревни меня не выгонят, но жить всеобщим посмешищем? Это не для меня.

Я заслуживаю большего! И все это обязательно поймут.

Что же делать, что делать?..

Определенно, Зайку вернут домой. Ее папаша и мамаша собираются отправиться за этой… ушастой гадиной! И с ними еще несколько старых оборотней. Но… после полнолуния!

Я прислонилась лбом к стене хижины.

После полнолуния.

А я ведь сильная лиса. Я могу пережить полнолуние и одна. Спокойно могу.

А еще могу…

Все мои проблемы из-за этой дряни. И если она вернется – отнимет у меня Райшена. Уже навсегда. А этого я не вынесу.

Но если этой тупой крольчихи не станет – проблемы тоже не будет.

Лисы охотятся на зайцев, так ведь?

Далеко эта дурочка уйти не могла, я знаю. Я легко догоню ее. А там…

Райшена я ей не отдам!

Любой ценой.

Зая

Полнолуние…

Колин спал, ровно дыша. Если бы зайцы могли говорить – я бы подсказала Шарку, что сидеть рядом с парнем занятие бесполезное. Сам очнется примерно через сутки. Жив-трава средство сильное, оно лечит все, но и тянет силы из тела. А лучше всего это происходит во сне. Во сне летают дети, во сне лечатся раны, во сне…

Я скользнула в темноту.

Во сне я была громадной черной волчицей. Хищной и стремительной, мощной и опасной. В реальности же…

Я срываюсь в стремительный бег по лесу. Быстрый, легкий, беззвучный.

Трава чуть приминается под ногами, запахи дурманят голову, но даже сейчас я осторожна. Я – заяц, и в лесу опасностей для меня хватает. Уши чутко ловят песнь полнолуния. Я прижимаюсь к земле, когда раздается уханье совы, пережидаю – и опять срываюсь в бег-полет.

А потом замираю под раскидистым дубом и смотрю на луну. Главная минута ночи для меня.

Луна отражается в моих зрачках, лунный свет обтекает тело – и я тянусь к ней.

И поднимаюсь на ноги – уже человеком.

Да, я заяц, но вот это – мое. И я кружусь по лужайке обнаженная, как в день своего рождения. Я купаюсь в лунном свете и растворяюсь в нем. Катаюсь по траве и сладко мурлычу. И четко ловлю момент, когда лунное безумие меня покидает.

Мне хорошо, хорошо, хорошо-о-о-о-о-о…

Скоро надо будет возвращаться. Скоро, скоро…

Боги, как же мне хорошо в эту ночь. Я спокойна и довольна собой. Почему так? Дома, в родной деревне мне так еще не было…

Я сладко потягиваюсь под лунным лучом, протягиваю к нему ладошку и наслаждаюсь видом светлого пятнышка на белой коже.

Уютно…

Даже маме я не говорила, что провожу часть полнолуния в человеческом обличье и чувствую себя так же хорошо, как и в истинной шкурке. А ведь все наши не могут обернуться, пока не зайдет луна.

Ладно.

Меньше чем через два месяца мне исполнится семнадцать – и тогда все должно измениться. Я ведь поступала как надо, я хранила целомудрие и храню его до совершеннолетия, я…

Райшен…

Неужели тебе именно этого не хватало?

А если бы я была не такой, если бы я и ты… Ты бы не позарился на эту рыжую гадину?

По щекам катятся слезинки.

Нет!

Довольно вспоминать! Я не хочу и не буду!

Райшен больше не мой – и пусть идет в болото!

Я решительно вытираю слезинки и опускаюсь на колени. Сосредоточиться. Успокоиться.

Сила втекает в меня, заполняя глаза прозрачными искрами своего сияния, а разум – лунным светом. Тревоги и тоска растворяются в них, и я больше не волнуюсь. Ни о чем.

Мне хорошо…

Белая шерстка разбегается волной по коже, волосы исчезают, ушки выстреливают вверх… обратно на поляну?

К Колину?

Что ж, у меня есть еще несколько минут бега, почти полета…
Полнолуние – это счастье оборотня.

Равашар, вожак оборотней

Я закидываю голову к луне и посылаю ей свой зов. Стая отвечает мне песней с полян.

Я веду свой народ через Лес – и горе тому, кто попадется на пути.

Бег оборотней сродни стихии, сродни очищению и обновлению.

В эту ночь мы – и есть Лес. Мы всесильны, непобедимы, неуязвимы…

Во всяком случае, именно так кажется молодняку. А потому мне надо быть особенно осторожным и следить за всеми. Лечи их, дурачков, потом…

Сейчас мне некогда. Вот пройдет полнолуние – и мне надо отправляться за моей дочкой. Поганка, нашла время…

Райшена отец уже отлупил, я еще дочь выпорю, когда найду! Тоже мне – нашла решение, из дома сбегать!

Пороть! Определенно!

Я взвыл еще раз, и еще один. Волки подхватили песню.

Подумаю обо всем, когда луна уйдет за горизонт.

А пока – мир ждет волчью песню, и мы подарим ее…

Тарс Крашри, некогда капитан стражи Торвальд-холла

Когда я пришел в себя, было темно. Я постарался припомнить, что случилось, пока не шевелясь и не открывая глаза. Судя по ощущениям – я был связан, и давно. Рук-ног просто не чувствовал. Я определенно среди врагов…

Сильный пинок в бок подтвердил мои предположения.

– Очнулся, сука такая…

Я открыл глаза – и встретился взглядом с Шарком. Старик смотрел нехорошо и пристально. Меня даже слегка замутило… Неужели – все? На душе заскреблись кошки, размером с лошадь.

А ведь начиналось так хорошо…

– Ну что, сам расскажешь, почто на лорда напал? – Шарк достал откуда-то небольшой ножик и подбрасывал его вверх. Оружие ложилось в ладонь как влитое. Я передернулся, но…

– Лорд…

Горло пересохло так, что я ничего не мог сказать. Шарк кивнул одному из своих людей, и к моим губам поднесли горлышко фляги, дав сделать несколько глотков кисловатого эля.

– Колин, лорд Торвальд-холла.

– Этот?!

Этот щенок…

Хозяин Торвальд-холла, ага!

Сопляк ушастый! Что он может, что знает, что умеет? Вот Эдвин Ройл – другое дело. Я ему служу уже больше десяти лет – и не жалел об этом. Умный мужик, серьезный, крови не боится, своего добивается…

Вот именно.

Почему бы не попробовать убедить этих людей перейти на службу к лорду? Им это всяко будет выгоднее, чем хвост щенку носить?

– Он самый. – Шарк улыбался, но от его улыбки по коже бежали крупные мурашки.

– Лорд Торвальд-холла – Эдвин Ройл.

– Женитьба на матери Колина не делает его владельцем Торвальда. – Шарк покачал головой.

– И что? Если бы не этот щенок – он бы им стал! Мужики, ну зачем вам эта плесень? Вы же воины! Если мы сейчас его придавим, а потом приедем к лорду Ройлу – замок будет его, а мы…

Я говорил – и понимал, что никого не убедил. Вообще. Слишком ехидные были улыбочки, слишком злые глаза, слишком…

– Ты нам предательство предлагаешь?

– Да нет! Просто лорд Ройл силен! А вашему сопляку конец! Его все равно удавят – раньше или позже. Так почему бы не встать на сторону сильного?

– Сильного ли? Ройл даже не наследный лорд.

– Конечно, сильного! Если вы сейчас развяжете меня, я даже сам все сделаю! И поедем к лорду…

– Где нас удавят первыми. Потому что много свидетелей – много разговоров. Эта история дойдет до короля, а тот шутить не любит. Значит, лорд Ройл?

– Ну да…

Отрицать смысла не было. Шарк тут же пустил бы нож в дело – на моей шкуре, а она мне была дорога.

– Подробности…

Отпираться мне не захотелось – и я принялся рассказывать. Вернувшись мыслями в тот день в замке…

* * *

Лорд Ройл вызвал меня с тренировочного поля, где я натаскивал новобранцев.

– Тарс… садись, выпей со мной.

Начало было нетипичным. Я насторожился, но за стол присел и вина себе налил. Хорошего, южного, дорогого. Странно еще было, что разговаривали мы не в общем зале, а в покоях лорда – он старался туда никого не приглашать.

– Ты хорошо мне служишь.

– Я рад служить моему лорду.

– Может быть так, что скоро тебе придется служить кому-то другому…

Я тут же заверил, что для меня это будет горем. Ройл рассматривал меня серьезно и внимательно, я всем видом показывал преданность и верность – и лорд решился.

– Ты знаешь, что лорд Торвальд-холла я только по браку…

Не знать было бы сложно, поэтому я кивнул.

– И что у замка есть еще один наследник…

Не еще один, а настоящий, чего уж там. И когда он достигнет совершеннолетия – приедет сюда. А ждать уже недолго. Хм-м…

– Я что-то слышал, лорд…

Проявлять излишнюю осведомленность в присутствии нанимателя – вредно для жалованья.

– Так вот. – Лорд Ройл решился – и теперь ломился вперед. – Поскольку моя жена умерла – я должен послать за пасынком. И хочу я послать – вас.

Я закивал.

– Воля моего лорда – закон для меня!

Эдвин Ройл вздохнул – и продолжил:

– Мой пасынок глуп, слаб, безволен… Тарс, ты неглуп и предан мне. И я хотел бы, чтоб ты правильно понял мое предложение. Ты хочешь стать благородным?

Хочу ли я? Еще как хочу, с того самого дня, как узнал, что мою мамашу огулял наш благородный, отчего и получился я. Я воспитывался в замке, только признавать меня никто не собирался, выучили – и выкинули. Я плюнул на ворота и ушел. Но если бы я получил титул, я мог бы и вернуться, поспорить с родней за землю.

– Я не говорю, что это будет легко, но…

Вот это меня успокоило. Если бы лорд обещал все и сразу – точно бы прокатил. А если говорит, что нужно время и будут трудности, – значит, узнавал, интересовался и обмануть не должен.

– И что мне нужно сделать?

Взгляд Эдвина Ройла стал жестким и острым.

– Ты. Должен. Убить. Моего. Пасынка.

Пять слов упали камнями. Я задумался. Убить… Легко сказать, да сложно сделать. Лорд не торопил меня, давая все обдумать. Потом я кивнул.

– Как скажете, лорд. Но тут будут определенные трудности.

Убить было несложно. Но…

– Мне нужно, чтобы этот гаденыш сюда не доехал. Все остальное меня не интересует.

Хм-м…

– Мне понадобится не меньше двадцати человек.

– Ты их получишь. Выберешь сам.

– Мне придется пообещать им денег – и достаточно много.

– Это также решаемо.

– После моего возвращения нам придется с ними что-то сделать… сами понимаете…

Эдвин Ройл чуть заметно расслабился.

– Я рад, что ты это понимаешь. Чем меньше свидетелей, тем лучше.

Я понимал.

* * *

– То есть нас где-то ждут еще пять человек? – Пинок в бок оборвал воспоминания.

– Не ждут, – криво усмехнулся я. Щека болела после удара.

– Это еще почему? Не удалось найти достаточно мрази?

– Они собирались предупредить вашего щенка. Пришлось принимать меры.

Действительно, хорошо, что я об этом узнал заранее. Командир второго десятка, Маки Фарн, хотел обо всем при встрече сообщить Колину. По счастью, он начал сговариваться со своими людьми, а один из его десятка, Томми Рефрег, давно нашептывал мне на своего десятника. Хотел на его место. Да, Томми та еще лиса. Был… если лучников перебили.

* * *

– Мой командир…

– Да, Томми?

– Маки и еще один решили сбежать и предупредить вашего щенка…

– Что?! Когда?

– Завтра ночью.

Я беру себя в руки. Завтра еще не настало, так что время есть. Хлопаю Томми по плечу.

– Том, ты молодец. С меня причитается, а пока – возьми.

Отвязываю от пояса кошелек. Томми принимает его, не скрывая жадных огоньков в глазах.

– Я могу рассчитывать, что стану десятником?

– Это само собой…

А следующим вечером у коней Маки и его приятелей встречают все остальные.

– Далеко ли собрался, предатель?

Маки не разменивается на ответы. Все пятеро собираются дорого продать свою жизнь. И троих они забирают с собой. Мне не жаль. Лучше небольшой, но хороший отряд – это первое. И второе – надо повязать людей кровью перед серьезным делом. Сначала малой, а потом и большой.

* * *

– Мрази. – Шарк словно сплюнул.

Я прикрыл глаза. Ну, умные ведь люди…

– Я смогу договориться с лордом. Получите много денег, уедете в другую страну…

– А мне и в Торадоре неплохо. Алек, заткни рот этой гниде.

– Не надо. Я буду молчать, если я задохнусь – с вас спросят, а у меня нос заложен…

Это приняли во внимание.

– А что с ним делать потом?

– Лорд очнется – он и решит.

И словно по заказу с другого конца поляны донесся слабый стон.

Колин

Было дико больно. Наверное, от боли я и в себя пришел. Болела вся грудь. Больно было вдыхать и выдыхать, шевелиться, даже глаза открыть… Хотя нет. Глаза открывать было не больно, только толку – чуть. Темнота, и где-то сбоку что-то светится. Я чуть шевельнулся, чтобы проверить, не связан ли я, – и не смог сдержать стона. И тут же кто-то громко вскрикнул:

– Лорд очнулся!

Через минуту надо мной склонилось лицо Шарка.

– Лорд, вы как?

Сложный вопрос. Все болело, да, но умирать я не собирался.

– Жи… ть…

Хотелось сказать, что жить буду, но горло перехватило – и я едва не раскашлялся. Слава небесам, Шарк сунул мне в рот горлышко фляги, умело поддержал голову, чтобы я не захлебнулся. Я сделал пару глотков воды и смог говорить почти нормально. А что голос чуть подрагивает от боли – разве это важно?

– Жить буду. Доложите обстановку, десятник.

Шарк усмехнулся.

– После того, как вы перебили лучников, мы смогли сражаться всерьез. Занялись этими предателями. Шестерых убили, Крашри удалось схватить живым, остальные сбежали.

– И пес с ними…

– Крашри мы уже предварительно расспросили. Ему заплатил ваш отчим.

– Тварь паскудная.

– Очень точно подмечено, лорд. А вы не хотите рассказать, как справились с пятью солдатами и кто вас перевязал?

– Я сильно ранен?

Шарк хмыкнул.

– Я бы сказал, что смертельно.

– Да? А почему я жив?

– Сказал бы, если бы не видел своими глазами. Вас, лорд, ранили в грудь. Мечом, серьезно, насквозь. При таких ранах не выживают, но ваша выглядит заживающей. Края как склеились, гнилью не тянет, дышите вы ровно и спокойно… Что произошло?

Я попробовал вдохнуть чуть поглубже – и получил в награду острый укол боли.

– Да вот решил зайти в тыл засаде – и положить сколько смогу.

– И чудом не полегли сами.

Шарк привычно ворчал. Я усмехнулся – ну ничего-то не меняется.

– Не полег же…

– Чудом. И мне интересно: кто сотворил это чудо?

– Не знаю. Двоих я положил сразу, третьего на подходе, двое оставшихся меня всерьез теснили, помогла зайка… Она здесь?

Шарк огляделся.

– Была с вами, когда мы пришли. Сидела рядом, шипела на всех.

Белый комок громадным прыжком выметнулся из темноты – и обернулся моей заюшкой. Зверюшка смешно подергала носиком, задвигала ушами и стала подбираться ко мне с намерением ткнуться в руку. Я с наслаждением почесал подставленный лобик.

– Она отвлекла одного из негодяев, я смог его достать.

– А второй достал вас. Кстати – вынесите вашей зайке выговор. Пять луков – и на всех тетива в лохмотья, а стоит она недешево…

– Выношу. Благодарность. Если бы меня положили, они бы опять стрелять начали.

– И так бы… Были у них запасные тетивы с собой.

– Их еще поменять надо.

– Тоже верно. Умная зверушка.

– Надо будет потом узнать, кто ее выучил. Нам такой человек пригодится. Хоть мне, хоть дяде.

Шарк кивнул.

– Узнаем. А что потом?

– Пятый меня-таки достал. Я его положил, но и сам…

– И кто вас перевязывал?

– Не знаю, – честно признался я. – Тут была женщина…

– Женщина?

– Девушка. Такая красивая… Как небесное видение. Белые волосы, голубые глаза, само очарование…

– Видно, не так уж вас и зацепило…

– Я помню, как она меня перевязывала.

– А потом?

– Не знаю. Она меня чем-то напоила, я сознание потерял…

– А во что она была одета? Крестьянка?

Щекам стало подозрительно горячо. Ушам – тоже.

– Она была обнаженной.

– Вообще?

Я сверкнул глазами. Можно подумать, я сильно рассматривал. У меня было занятие поважнее – я умирал!

– Кажется, да.

– Лесной дух, не иначе. – Один из солдат сотворил знак Света.

– Может, и так. Говорят, они действительно красавицы. А волосы точно не зеленые были?

– Вроде белые…

Зая

На поляне было весело и людно. Колин уже пришел в себя и что-то рассказывал Шарку. Я подлезла поближе, отметила, что мальчишка мне обрадовался, и принялась принюхиваться. Это люди нюхом обделенные, а мы, оборотни, по запаху можем сказать, чистая рана или грязная, как она заживает, даже помрет человек или нет. От умирающих такой запах… своеобразный…

Но рана Колина пахла запекшейся кровью – хорошо, пахла жив-травой, что еще лучше, а судя по тому, что мальчишка вполне прилично разговаривал и дышал, воздух в нее не попал.

Выживет. Дня три еще пролежит, а потом сможет бегать. Эта травка и не таких с того света вытаскивала…

Колин как раз рассказывал о своем спасении. Я немного тревожилась – не заметил ли он *оборота*, но потом успокоилась. Мальчишка явно бредил.

Я – красавица?

Точно, бред. Или головой ударился, когда падал. Ну да ладно, главное, что его спасение списали на лесных духов… Странные люди! Вечно придумывают себе что-то…

То богов, то еще чего…

Мы вот точно знаем, что дух леса – это леший. Их может быть много, они вполне ощутимы, коварны, выглядят как ожившие деревья, только некрупные, потом растут, как и деревья, после определенного возраста врастают в землю – и засыпают. Но с оборотнями у них давняя дружба. Мы тоже нужны лесу.

Четверых из отряда Шарка положили, так что осталось шесть человек и Колин. Капитана Крашри допросили, и теперь он, связанный, лежал чуть в стороне. Но безнадежностью от него не пахло. Явно что-то задумал… Надо за ним ночью приглядеть – все равно не усну в полнолуние-то.

Колин с Шарком тем временем решили, что делать, а именно: ехать в замок какого-нибудь лорда, кто окажется рядом. Колину надо пару дней отлежаться, опять же надо прикупить коней и еще раз допросить Крашри.

Как я поняла из разговора, слова Крашри важны, но не очень. Средне так…

С одной стороны, он из низкородных. С другой же – свидетельствовать может. Особенно к сердцу его слова не примут, но если в комплекте с чем-нибудь еще, для короля это окажется убедительным. Самым выгодным будет поместить Крашри куда-нибудь в темницу, пока ситуация не определится. Наверное, Колин прав.

Как его перемещать?

Шарк собирался нарубить ветвей и сделать носилки. Привязать к двум лошадям – и вперед. Все равно пока всем придется двигаться пешком, лошадей-то положили почти всех…

Шарк со своими людьми обыскал убитых. У них оказалось довольно много денег – по нескольку золотых у каждого, не считая серебра и меди. Колин тут же разрешил своим людям поделить эти деньги. Оружие… Оружие у них было вполне неплохое. А вот мне чуть не досталось за испорченные луки. Но потом Шарк сказал, что я действовала, видимо, как меня учили. Что вы хотите от зайца?

Не говоря уж о том, что если бы Колина и убили, то сразу стрелять бы не начали. Так что меня гладили, закармливали и почти не спускали с рук. В кустах уединиться и то пришлось, когда все укладывались.

– А нам бы не помешали такие зайцы, – рассуждал Шарк. – Найти, кто ее обучил, – и попросить…

Поищи, поищи…

– Интересно, что она еще умеет?

Многое я умею. Но признаваться не буду.

– И что у нее на шее?

Можешь посмотреть – но недолго. Зубы у меня есть. И руку они располосовали бы очень неплохо. Это дикие зайцы так не могут, а я вполне плотоядная.

– Посмотреть она не даст, это видно.

– Какая-то она слишком ученая для зайца.

Шарк фыркнул на болтуна не хуже, чем я.

– Соколов учат, собак, кошек, почему не зайцев? Если они через обод от бочки прыгают?

Ага, попрыгаю я тебе, ночью по голове, умник…

– Да, нам бы десяток таких.

– Ага, отряд ручных зайцев.

Все засмеялись. Я блаженствовала у огня.

– И костра она не боится.

– Домашняя девочка, хорошая, умная…

Колин погладил меня по грязной шерсти. Я подалась поближе, чтобы еще и лоб почесал.

– Если у меня будет личный герб – я знаю, что на нем изобразить. Она мне сегодня жизнь спасла.

– Вы ей, она вам, все справедливо.

Я дернула ушами на слова Шарка. А ведь и правда, сегодня мы сквитались.

А что теперь?

Все уже уснули, а я лежала на груди у Колина, грела его, грелась сама и думала. Я могу уйти в любой миг и сейчас уже имею на это право. Долг жизни заплачен, у меня своя дорога, у Колина своя.

Могу уйти. А хочется ли мне уходить?

Вот тут вопрос.

Пока мне и уходить не хочется, и… Будем честны – я боюсь.

Эту компанию людей я знаю, а в любом другом месте я буду беззащитна. Да и мне надо еще добраться до деревни, осмотреться там, пожить пару дней, чтобы решить, чего я хочу…

Пока же безопаснее двигаться с Колином и его компанией.

Скорость, уют, безопасность… я все это получаю вместе с ними. Стоит ли отказываться, пока нет ничего взамен?

Нет, пока мне лучше поехать с ними, а там посмотрим. Главное, не раскрываться.

Я устроилась поудобнее. Колин уже уснул, а я все еще бдила. И дождалась.

Мы называем его часом лешего. Самый тяжкий предрассветный час, когда всех мучают кошмары, когда люди умирают, когда лошади укладываются на землю и ждут рассвета, а ночь сгущается, трогает холодными липкими пальцами плечи, и кажется, что утро никогда не придет.

Мне даже поворачиваться не надо было, чтобы видеть, – преимущество заячьих глаз. Колин спал глубоким спокойным сном. Придремал и часовой, а вот пленник, наоборот, оживился.

Потянулся головой к воротнику, ухватил поудобнее декоративную отделку зубами, рванул, еще раз и еще, стараясь не шуметь, – и в траву выпало небольшое, но очень острое лезвие без рукояти.

Как интересно-то…

Я не стала ждать, пока он перепилит веревки, вот еще не хватало. Потихоньку подползла к Шарку – и чувствительно цапнула его за руку.

И тут же отскочила в сторону.

Вовремя.

Старый вояка явно попытался лишить Колина домашнего любимца. Таким ударом из меня бы заячий блинчик с глазками получился. Не вышло.

Крашри замер, но было поздно. Шарк проснулся, огляделся, увидел меня, потом увидел Крашри, изогнувшегося в тщетной попытке достать лезвие – и все понял.

– Ах ты ж…

Какое интересное слово. А я таких и не знала! Надо запомнить…

Шарк поднялся, пнул ногой капитана, возвращая его на место, обстоятельно завязал ему рот полосой ткани, в которой я опознала использованный бинт, прикарманил лезвие…

Крашри зарычал сквозь кляп. Вот теперь от него пахло правильно. Гневом и безнадежностью. Шарк огляделся, нашел меня взглядом, посмотрел на лезвие, на свою руку…

– М-да…

Больше он ничего не сказал. Я прижала уши и вернулась к Колину.

Будем надеяться, мне не свернут шею из-за моей исключительности?

Корт Шарк, десятник стражи

Я посмотрел на лезвие в своей ладони. Понятно, почему эта гадина так просила оставить ему рот свободным. Хорошее лезвие, тонкое, острое – прелесть. Себе надо будет зашить.

И опять зайчиха меня разбудила. Хм-м…

Странно это как-то. Слишком она умна для дрессированного зайца. Но что это еще может быть?

Нечисть?

Ага, вот такая у нас нечисть, людям помогает, живота своего не щадя… в облике зайца. Кому расскажешь – до соплей досмеются. Нечисть же от крови звереет, кидается, грызется…

Оборотень?

Заяц?! Ну уж даже не смешно. Волки есть, медведи тоже, вообще оборотни – это зверье. Дикое. Но чтобы заяц… нет, бывает что-то схожее по массе. Так еще до оборотней-муравьев докатимся, а что, дома ж они строят? Умные, а что мелкие – наплевать, зато дворцы какие…

Да нет, это бред.

А вот насчет голой девки, которая лорда перевязывала, – точно нет. Следы я сам посмотрел – была такая. Пятки голые, маленькие, может, и правда лесная дева?

По легендам – они с людьми не гнушаются и поближе пообщаться, и траву спиной помять, хоть и далеко не со всеми…

Если такая положила глаз на Колина, то… А и ничего страшного. Мальчик станет мужчиной – и все тут. К тому же вне леса их власть невелика, просто мстительны бывают очень, но тут уж я объясню мальчишке, что расставаться с лесными девами надо по-доброму и никак иначе. Может, она и зайца науськала. Лесные девы над всей лесной тварью властны…

Ладно!

Главное, опасности для мальчишки нет, а остальное – неважно.

Надо попробовать придремать еще хоть чуток. Возраст у меня не тот – сначала драки, потом ночи бессонные… Пока все спокойно – спать.

Вадан Тарп, лучник

Я лежал, смотрел в небо и думал. И нечего фыркать в этом месте, что я – дурак, что ли?

Мысли были печальными и тоскливыми.

Ладно – капитан, ему терять нечего, да и награда может быть достойной при удаче. А вот я как попал во всю эту свистопляску?

Когда капитан предложил нам съездить за лордом Торвальда и убить его – мне дурно стало. Я аж слюной поперхнулся, хорошо хоть, стоял позади всех и незаметно было. Но сказать ничего не успел – и оно к лучшему. Иначе убили бы, как потом с Маки и произошло. Нам-то капитан доверял, на нас и решил это все взвалить.

Я и сам думал убраться в сторонку, но только шанса не подворачивалось, а уж когда Маки прибили…

На дороге я честно держался позади всех, стараясь не попасть под стрелы или мечи, стража у мальчишки оказалась зубастая и в кольчугах, так что кое-кого они положили, а уж когда оглушили капитана, стало понятно, что добра ждать не приходится, – и я удрал.

А теперь мы все изменники?

Э, нет, тут явно можно покрутить. Сбегать из родной страны потому, что двое лордов не поладили, а я не успел вовремя выскочить? Не много ль радости? Что дураки – это верно, а только за подчинение командиру голову не сносят. Даже когда мятежи случаются, победитель никогда солдат не казнит, потому как они по приказу сражались.

Сбежало нас четверо, но мне с остальными тремя было не по пути. По той тропинке пойдешь – навсегда пропадешь. Сначала чужое имя, потом чужая жизнь, потом дорога и чужое добро, а потом – веревка. Одна и личная, но болтаться на ней мне не хочется.

А теперь мы в жернова можем попасть. А можем и выскользнуть. Я могу…

Командира послушать – дело одно, тут никто меня не упрекнет. В бега податься – другое, на дорогах разбойничать – и вовсе третье.

Нет, на такое я не пойду. А вот куда пойду?

А отправлюсь-ка я к Колину. То есть к лорду. Брошусь в ноги, покаюсь, все расскажу, чему свидетелем был. Сразу они мне, как пить дать, не поверят, но потом, по прошествии времени…

Да в крайнем случае и уйти можно.

Но человеком же! Не предателем! Даже если и кару какую наложат – повинную голову меч не сечет. Крови на моих руках нет, совесть чиста – можно попробовать.

Как удачно, что все трое спят… Мне пора.

Калайя, жена вожака, мать Заи

Утро выдалось хлопотным. Я специально не ложилась после Бега, надо было проверить, что собрал с собой муж, да и для Марси кое-что положить…

Что с моим ребенком?

Где она?

Пусть и неудельная, пусть и заяц, но она МОЯ ДОЧЬ, и этим все сказано! И я не позволю, чтобы мой ребенок бродил невесть где! Особенно – не дай Лес – если она к людям пойдет! Это же такие твари!

Они же ее обидеть могут! Убить!

Они вообще!!!

Я потрясла головой, отгоняя кошмарные видения.

Вот Заюшка в дерюге просит подаяние, и кто-то кидает ей кусок плесневелого хлеба. Девочка благодарит и принимается жадно его грызть.

Вот заяц, бегущий по лесу, падает, пронзенный стрелой.

Вот Хоши зачитывает приговор: «Поелику оборотень тварь богомерзкая и отвратная, должно сжечь ее на костре и пепел над водой развеять…»

Меня затрясло.

Мой ребенок с людьми!

Да это кошмар! Это же не стая, а невесть что! У нас хотя бы детей не грызут, а у них?! Они же свое потомство пожирают!!!

Ужас!

– Мам… – Дочь подкралась незаметно.

– Что тебе?

– А папа за Зайкой пойдет?

– Да.

– А зачем?

Не поняла? Я развернулась и пристально посмотрела на родимое чадушко. Симпатичная волчица растет, высокая, желтоглазая, вся в меня…

– То есть?

– Ну… надо мной все смеются, потому что у меня сестра – заяц. Может, ей отдельно будет лучше? Здесь-то она в жизни парня не найдет…

Рука сама потянулась к тяжелому половнику.

– Та-ак… Ты про Райшена знала?

– Да все знали. А что? Он парень видный, я и сама бы…

– А Зая?

– А она всерьез думала, что ему нужна. А зачем? У нее же кровь порченая… – выдала на полном серьезе малявка.

БЗДЫНННН!

Половник с душевным звуком встретился со лбом дочурки. Не отобью я мозги, нечего там отбивать. До семнадцати мелочь всяко головой не пользуется, они другим местом думают… надо бы и по нему хворостиной пройтись для верности…

Цапнула дочурку за косу и подтащила к себе.

– Если ты, поганка, смеешь так говорить о сестре, это ты кровь порченая! И гнать тебя надо поганой метлой из стаи! Мы что – как люди, своих будем жрать?! Да ты первая должна была кинуться за Зайку на кого угодно! Или ты думаешь, что теперь тебя уважать начнут? Ты же родную кровь предавала!

Из глаз дочки покатились слезы.

– Мам, ну ты же сама говорила, что позор семьи…

Говорила. Было такое пару раз, обмолвилась… но с мужем же!

– А ты подслушивать изволила? Да? Решила, что самой умной стала?!

– Мам… я случайно…

– Вот и я тоже, – ухмыльнулась я, протягивая руку за хворостиной, – родных выдавать да подставлять – последнее дело! Ты Зайку защищать должна! Кому ты нужна, если родную сестру травишь?! Не смей вести себя как человек! Не смей жрать своих! Не смей разбивать стаю! Не смей предавать родную кровь!

Каждое предложение сопровождалось увесистым шлепком по попе для пущей доходчивости. Погань какая, а?

Они что – моего ребенка всей деревней травили?

Да я их… они до конца лета огороды пропалывать будут! И плевать, если огородов не хватит! Новые разобьем!

Они у меня навек запомнят, как своих травить и что за это бывает!

Вот!

Колин

С утра было не лучше, чем ночью. Все болело, голова кружилась, есть хотелось зверски, так что меня напоили горячим бульоном и скормили мелко нарезанного мяса. А потом Шарк рассказал, что ночью Крашри хотел перерезать веревки – зайка не дала, подняла тревогу. Голову оторвать мерзавцу-капитану мало.

Интересно, кто научил мою зайчишку?

Хотелось бы мне такого умельца в свой замок! Ладно, когда все закончится и мой замок станет опять моим – я озабочусь поисками хозяина Зайки. Не может же эта лапочка быть бесхозной…

И пусть поработает на меня.

Но это потом. А заюшка – моя. Никому не отдам, такой зверек самому нужен.

Пальцы зарылись в густой заячий мех. Надо выжить и продержаться кое-какое время.

Под руководством Шарка споро сооружались носилки, меня на плаще перегружали на них, рядом запрыгнула зайка, а я все размышлял.

Время – мое все. Быстрее бы вернулся Филип. Зная дядю, уверен: он что-нибудь придумает. Например, подаст ходатайство королю, мы с ним уже обговаривали такой вариант.

Если я могу постоять за себя на турнире, умею читать, считать, писать, готов принести королю присягу и поставлять определенное количество людей на войну, я могу подать прошение – и мне разрешат пораньше распоряжаться своими землями.

Но!

Только если мой опекун ворует, или пытается меня устранить, или совершил преступление против короны… и я могу это доказать.

А могу ли?

У нас есть Крашри, но толку от него немного. Против высокородного его свидетельство немного стоит, вот если бы еще кого из его солдат, но эти сбежали… Да и от солдат толку мало. Значит, придется ехать дальше, рисковать своей жизнью и надеяться на лучшее…

Очень хочется выжить.

Зая

Тюх – трюх, тюх – трюх, тра-та-тюх – тра-та-трюх…

Это я не издеваюсь, я ритм скачки отсчитываю. А мы едем, едем и едем по дороге. Уже все утро едем. Мы с Колином, остальные идут, пару оставшихся лошадей ведут в поводу, нагрузив на них все сумки отряда. Даже Крашри идет сам, правда, Шарк пообещал, что, если он хоть рукой дернет, хоть пукнет подозрительно – он ему тут же кинжал в… загонит. Интересно – где на человеке такое место – «…»? Мне травница про него не говорила.

Мы собираемся остановиться в ближайшем трактире, передохнуть, расспросить, где замок местного лорда, и прикупить всякого-разного. Тех же припасов. Лично мне Колин обещал здоровущий пучок морковки. Или яблоки.

Да ко мне и остальные из его отряда стали хорошо относиться. Подкармливают, гладят, видимо, решили, что я полезный заяц. Я и не против. Полезный и умный…

А это что такое?

Я прислушалась. Дело в том, что если отряд движется в одном ритме, спокойно и размеренно, то и издаваемые им звуки сливаются в единую песню. И чужая нота в ней сразу слышна, хотя и не всем. Да, я заяц. И оборотень. Вот и надо пользоваться.

Я заерзала на сиденье, постаралась повернуться назад, откуда доносился стук копыт, и побарабанила лапками по луке седла.

Попыталась.

Шарк тут же вскинул руку, заставляя отряд остановиться.

– Что? – спросил кто-то.

– Зая беспокоится.

Вояки и не подумали ругаться. Шарк кивнул одному из парней, тот улегся, прижался ухом к дороге:

– Скачет кто-то. Одна лошадь.

– Какая у меня умная зайка. – Колин погладил меня между ушек.

– А вас бы, лорд, укрыть где.

– Мне сейчас с носилок не слезть. Можешь лошадь в канаву загнать – все лучше будет.

Судя по лицу Шарка – он бы и загнал, но не решался, ибо – раненый. А всадник тем временем вылетел из-за поворота, увидел наш отряд, увидел личный стяг Колина, который полагалось нести одному из парней, – и тут же остановил коня. Спрыгнул с него, выпустил поводья, достал лук и бросил на дорогу. Потом так же поступил с мечом и кинжалом. Колин смотрел скептически. Потом кивнул одному из парней:

– Верт…

– Я безоружен! – крикнул парень. – Мне надо поговорить с лордом. Хотите – свяжите.

И вытянул руки перед собой, доверяясь во всем. Странно…

– Это один из мерзавцев, – бросил Шарк.

Колин кивнул, словно соглашаясь. Мерзавцев? Тех, кто сбежал? Крашри смотрел волком, и веяло от него такой злобой… точно – один из них.

– Можешь связать и привести?

– Могу. Хотите сами допросить?

Колин кивнул. Мне тоже было любопытно. Какие же сложности встречаются в человеческой стае!

К лорду парня подвели после того, как обыскали, ощупали со всех сторон, охлопали и на всякий случай связали-таки руки за спиной. Мало ли что…

Хотя мужчина отнесся к этому спокойно, даже с охотой. Смотрел серьезно.

Было ему лет двадцать с небольшим. Невысокий, крепенький, как гриб-боровичок, а еще сходство усиливалось шапкой каштановых волос и коричневой одеждой.

– Как тебя зовут?

Парень потаращился на меня, на руках у Колина, как на невиданное диво, но спрашивать не стал. А вместо этого заговорил:

– Меня зовут Вадан Тарп, я из отряда капитана Крашри…

Теперь и я его вспомнила. Просто он обычно держался в тени, вперед не лез, да и люди вначале для меня были все на одно лицо.

Колин молча слушал, а Вадан говорил. Про то, что Колина в замке уже прорву лет не видели, а жить-то надо, ну, он и нанялся лучником. А почему нет, если место хорошее и хлебное?

Присягу лорду не давал, тут не поспоришь. Точнее… не имел Рыло права ее принимать, так что хоть он и отчим, а присягал Вадан лорду Торвальд-холла, то есть Колину.

Куда принимали…

Чего требовали?

Да ничего, служба – она везде одинаковая, а он, почитай, с пятнадцати лет в лучниках, то там, то здесь, привык, прижился. В Торвальд-холле ему платили неплохо, а к тому же приглянулась Вадану симпатичная служаночка Элси. А что, девочка неглупая, хорошенькая, округлостями и приданым не обижена – и чего еще надо? Почти любовь…

А тут такое предложение! И главное – удрать было нельзя. После того как нескольких попытавшихся убили, Вадан стал осторожнее и побоялся – что было, то было. Но оружия на людей лорда не поднимал, нет. На дороге был, но никого и пальцем не тронул. Не помог?

Тут виноват. Но побоялся. Не трус, но уж не взыщите, выбирать надо ту сторону, о которой хоть что-то знаешь, а не просто так, наугад! А когда отряд Крашри разбили, Вадан прикинул хвост к носу…

Если он сейчас сбежит – станет вне закона и повесят его, как бродячую собаку, на первой же веревке, как только кто-то проболтается. А что проболтаются, Вадан и не сомневался.

И вообще – в таких делах свидетели долго не живут.

А единственный вариант для Вадана сейчас выжить и даже жить неплохо – это был как раз переход на сторону Колина. С чистосердечным признанием всего, что успел и не успел натворить.

Жить хочется, уж поймите меня…

Мужчины понимали. Во всяком случае, Вадана приказали развязать и следить за ним. А Колин и Шарк отошли посовещаться. Точнее, Шарк отвел под уздцы лошадей с носилками. Меня, естественно, Колин так с рук и не спустил. Зайцы – они вообще звери успокаивающие и полезные, факт.

Колин

Перебежчик меня порадовал, а вот Шарка – не очень. Сержант явно собирался высказать мне свое негодование.

– Воля ваша, лорд, а только неладно это.

Ну, я понимаю, что доверять Вадану нельзя, что он как флюгер, но сейчас-то ему выгоднее быть с нами? Разве нет?

– Почему?

– А если он подсыл?

– А к чему такие сложности?

– Чтобы в следующий раз вас в спину ударить. И не виноват никто…

Я задумался. Спину подставлять не хотелось, но как же быть?

Погонишь парня – он к нашим врагам уйдет. Оставишь – вози да следи, чтобы чего не выкинул. Не такой уж у нас сильный отряд – специально на это человека отряжать. А вот что делать?

Шарк хмыкнул.

– Лорд, а вы проще сделайте.

– И как?

Этой мудрости меня дядя быстро научил. Не знаешь сам – спроси у тех, кто опытнее. И не гнушайся советом даже от золотаря. Он-то в этом ремесле не первый год, знает и как дерьмо вытащить, и как не облиться… не верите?

А меня как-то с кузенами в наказание поставили выгребную яму чистить. Злые мы были, как волки, но мудрость усвоили.

Шарк старше и опытнее меня и в таких ситуациях уже бывал. Так что…

– Лорд, а вы письмо дяде написать не хотите? О нападении, о своей ране?

Я закивал. А ведь идея. И напишу, и свидетеля к письму приложу… Дойдет – неплохо. Не дойдет… так и особой беды не будет, я еще и с голубем отписал…

– И поручить Вадану его доставить? Отличная идея.

Шарк усмехнулся.

– А вы растете, лорд…

– Стараюсь, – коротко ответил я, не показывая, как мне приятна похвала. – Если мне кто-нибудь поможет, письмо напишу. А вы бы его расспросили про замок, про все хорошее?

Шарк кивнул, уже более уважительно. Тоже проверка – скажу или нет. Он бы и сам, но ему ведь надо из меня лорда вырастить. Смешно звучит?

Ан нет.

Лорд ты в том случае, если постоянно думаешь о своих землях и людях, об их благе. А иначе – ни к чему тебе ни то, ни другое.

– Вас подождать, лорд?

– Можете пока начинать, потом расскажете мне самое важное.

Вот так. Одна из обязанностей лорда – распределение работы между помощниками. И Шарк оценил. Поклонился и принялся за первого перебежчика из стана Рыла. Что ж, как первый – он получит больше других.

Спустя час Вадан скакал по дороге навстречу своей судьбе. Но мне казалось, что он многое понял – и сделает все, чтобы доставить письмо, а заодно убраться подальше от сложностей жизни. Пусть едет, попутного ветра, Вадан.

Крашри, капитан стражи замка Торвальд

Вадан!!

Ах ты гнида!!! Тварь болотная подколодная!!!

НЕНАВИЖУ!!!

Никого и никогда я так не ненавидел, как этих троих. Сволочь такая, сначала согласился, потом сбежал, теперь всех продает… И ведь продаст.

А я ничего сделать не могу – связан и привязан к лошади, чтоб уж точно не сбежал.

Хотелось выть по-волчьи, но из стиснутого кляпом рта неслись только хрипы.

Ненавижу!

Зубами бы рвал на куски, глотки бы грыз…

Щенка, которого не удалось убить! Старика, который меня оглушил!! Предателя Вадана!!!

Чтоб вы все сдохли!!!

Все, все, все!!!!

Вадан Тарп, лучник

Честно говоря, на такую удачу я и не рассчитывал. Козе понятно было, что лорд мне сразу не поверит. Но чтобы вот так…

Чтобы дать мне поручение – и проконтролировать его… Молодец, парень. Хоть и молод, а неглуп. Если выживет – служить ему будет одно удовольствие. Он ведь понял, что мне неохота класть голову ни за него, ни за его отчима, – и отпустил. Единственное, что…

Это было перед самым моим отъездом. И солгать я не смог.

– Ты… жил в замке.

Остальные все отошли от нас, но далеко не уходили. Стрелок держал стрелу на тетиве, если что – меня успеют убить. Пусть, я не собираюсь становиться врагом этому парню.

Жизнь сложилась иначе.

– Да, лорд.

Пока еще не «мой лорд». Кажется, парень это понял, но только улыбнулся. И тут же лицо его стало мертвенно-холодным и сосредоточенным.

– Мы расспросили тебя обо всем. Сколько у моего… отчима людей, как укреплен замок, кого там можно найти и чего ожидать. Один вопрос я оставил на потом, он важен только для меня. Вадан, ты знаешь, как умерла моя мать?

Я задумался. Потом потер лоб.

– Она болела. Долго болела, мой лорд. Больше года не выходила из комнаты, никого не допускала к себе, кроме вашего отчима и своей служанки.

– Метты?

– Нет, Дайрин…

– Дайрин?

– Темненькая такая, очень красивая, говорят, что она – простите! – спит с лордом, но говорят многое…

Юноша кивнул.

– А Метта?

– Ее, как госпожа заболела, выгнали из замка.

Пальцы мальчишки сжались в кулаки, но вслух он ничего не сказал. Сдержался.

– Значит, за ней ухаживали, а потом она умерла.

– Ночью. Мы не слышали, все спали как убитые… утром она уже была мертва.

Колин кивнул.

– На теле не было синяков? Ссадин?

– Не знаю. Ее Дайрин обмывала, никого не допустила…

– Хорошо. Иди…

– Мой лорд… – Я колебался несколько минут, прежде чем это сказать, но потом-таки решился: – Не знаю, важно это или нет…

Юноша ждал молча.

– Я знаю, леди всегда следила за руками.

Кивок. Понятно, боится не совладать с голосом.

– Я обратил внимание. У нее руки стали не такие. Ногти обломаны, несколько шрамов, как от ссадин. На леди это было не похоже. Она никогда бы…

Парень кивнул, отпустил меня жестом и махнул Шарку. Десятник подошел, выслушал, что сказал ему лорд, кивнул. На носилки запрыгнул заяц, лорд погладил его по шерстке… умная зверюшка даже не дернулась.

И я поехал.

Нет, если мальчишке дадут вырасти – служить у него будет хорошо. Если нет – жаль. А что до меня…

По тракту я ехать не собирался. Наоборот, сошел с него и повел коня в поводу. В лес я не сунусь, но подлесок тут вполне себе ничего. Достаточно густой, чтобы меня скрыть, достаточно редкий, чтобы можно было пройти. Еще не хватало со старыми приятелями столкнуться. Почему-то мне кажется, что они не обрадуются встрече, а мне так не хочется их огорчать…

И огорчать своего лорда.

Надо доставить письмо его дядюшке.

Колин

Зайка, как понимала, устроилась рядом с моим лицом. Можно было отвернуться, уткнуться в густую шерсть – и тихо, почти беззвучно, заплакать. Никто не видел моих слез. Злых слез, честно говоря.

Все я понимаю. И что мать меня спасала, и что другого выхода не было…

Мама, мамочка, родная моя…

Мы с отцом виноваты перед тобой. Сначала не уберегся он, потом не смог уберечь себя я, и, что самое ужасное, мы оба не смогли уберечь тебя.

Никогда себе этого не прощу.

Зайка шевельнулась, ткнулась мокрым носом в лицо, я машинально погладил зверька. Чувствует все… Никогда больше не буду охотиться на зайцев!

Мама, родная моя, что этот подонок с тобой сделал?

Я все узнаю – и убью его. Обещаю тебе, он жить не будет. Уничтожу, самую память о нем – и то сотру в порошок.

Ненавижу, боги, ненавижу!!!

Если бы сейчас мне попался этот подонок – горло бы ему зубами разорвал, сомкнул зубы на глотке и кровь бы пил, всю, до последней капли, сколько есть в жилах.

Мразь…

Зубы стиснулись до скрежета.

Ненавижу…

Слезы исчезали в заячьей шкурке.

Я не умру, нет. Слишком много радости я доставлю негодяю. Я выживу – чтобы уничтожить его. Я – выживу.

Зая

Колин нервничал – и я тоже волновалась.

Когда идет заживление, надо сохранять спокойствие и неподвижность. И дышать по возможности ровно, а этот герой – всхлипывает тихо-тихо, а вы пробовали при таком раскладе ровно дышать?

Еще и сопли потекут, мокрота в легкие попадет… Кошмар!

Я потерлась о щеку мальчишки, стирая мокрые полоски и стараясь успокоить. Куда там! Колин весь был как натянутая струна, только что не вибрировал. Ну еще бы…

Я была в курсе ситуации с его матерью. Мне тоже стало бы плохо, если бы…

Хотя нет. С моей мамой по определению такого не случилось бы. Я мысленно представила себе такую картину:

Лорд Рыло – я его в глаза не видела, но представляла себе похожим на Крашри: здоровущий мужик с бородой – подходит к моей матери и заносит руку: «Ах ты, стерва!»

В следующий миг на месте мамы возникает ее вторая ипостась – здоровущая волчица, в холке человеку по плечо, и ласково улыбается.

Все, лорда можно будет выносить.

Мы, оборотни, все-таки звери. И когда приходит ночь – звериная часть нашей натуры берет вверх. Мы смыкаем зубы на горле врага – и радуемся теплой крови, льющейся в глотку.

Я – нет, я другая. Но мои братья, родители, друзья – они это знают. А я… Я – позор семьи…

Колин провел рукой по моей шерстке.

М-да…

Хоть кому-то я нужна. Да, я понимаю, что это обман и самообман тоже, но человеческому мальчишке легче, когда я рядом. А мне проще, когда я тоже не одна. Я останусь с ним ненадолго, честное слово. Потом я уйду, когда освоюсь в мире людей. А пока…

Ветерок трепал мою шерстку.

Пока интересно, где мы будем ночевать…

Корт Шарк, десятник стражи

Когда леди Марго попросила меня сопровождать Колина – я понимал, что это будет сложно. И все равно согласился. Я присягал лорду Филипу, да и Марго…

Поверьте, ей не может отказать никто, и меньше всего я. Я старый вояка, любовь мне незнакома, разве что продажных девок тискал без счета, но если бы я желал себе жену – то только такую.

Теплую, уютную, заботливую.

Мы все преданы лорду, но что-то мне подсказывает: вздумай он обидеть Марго, вмиг останется один и на пепелище. Такими женщинами не разбрасываются – и ее просьбы выполняются быстрее, чем просьбы лорда.

Ее просто невозможно огорчить.

Колин же…

Мальчишка появился в замке лет пять тому назад – точнее не помню, я как раз был в отъезде. Он был сыном какой-то родственницы Филипа – и сначала мы все сделали стойку. Что там за родственница? Может, любовница, а парень – его незаконный сын?

Сомневались все около месяца, потом махнули рукой. Колин был абсолютно не похож на Филипа, кроме того, он всем рассказывал про мать, про свой замок, про своего отчима, которого мечтал убить… Такое не подделаешь.

Он действительно был родственником Филипа – и мы приняли его. Больше всех, разумеется, Марго. Она всерьез привязалась к мальчишке – и старалась согреть его. Искренне старалась. И огорчалась, понимая, что хотя малыш и оттаял душой, но не до конца, вовсе не до конца. У него была одна цель – убить отчима, а уж потом все остальное. И Колин тренировался как одержимый.

Филип посмотрел и назначил меня его наставником. Я принялся гонять мальчишку вдоль и поперек – и это было благодарным делом. Сейчас он прекрасно дерется на мечах, владеет копьем, хотя и не очень хорошо – оно пока тяжеловато для его руки, – зато отлично бросает ножи, стреляет из лука, знает кое-какие ухватки, может командовать людьми…

Я поневоле привязался к мальчишке. И когда Марго поняла, что ему надо ехать, – пришла ко мне. Я как раз перебирал кольчугу, когда она возникла на пороге.

– Корт, я могу вас отвлечь?

Темные глаза чуть улыбаются, от полненькой фигурки веет теплом и покоем. Я вскакиваю, неловко скинув кольчугу на лежанку, и пытаюсь поклониться. Марго останавливает меня мягким жестом.

– Нет-нет, не надо, я ненадолго…

Я слушаю внимательно. Марго пересказывает всю ситуацию и умоляюще смотрит на меня.

– …Колин должен поехать – а я буду за него тревожиться. Я могу его доверить только вам. Прошу вас…

Она просит.

Да я для нее и звезду с неба достал бы… Повезло лорду.

Разумеется, я поеду. И сделаю все возможное, чтобы мальчишка уцелел. И чтобы остался в своем замке. И заодно успокою душу Марго…

Увы, поездка оказалась еще веселее, чем предполагалось.

Сначала этот Крашри… Осел морской. Ни ума, ни фантазии… Колин пробовал призвать его к порядку, но добром это не кончилось. Два отряда окончательно обособились – и ничего удивительного. Мы служим Колину, эти умники – его отчиму, ну и какая тут дружба, какая работа?

Нереально!

А потом покушение…

Кстати, когда Колин завел зайца – я посмеялся, а вот потом…

Когда зайка сначала дернулась, спасая мальчишку от стрелы, а потом подняла тревогу – я задумался, и всерьез. Но решил игрушку не трогать…

Не то чтобы я боялся расстроить Колина, но у мальчишки и так жизнь не сахар, сами понимаете. Если эта зверушка помогает ему отвлечься – пусть хоть с верблюдом возится, не жалко.

Ничего особенно удивительного в способностях зайки, кстати, нет, у нас такой умелец тоже был. Крыс натаскивал – так эти твари с ним везде были. Обязательно одна ручная у него была, а иногда и две. На плече у него сидели, в заплечном мешке жили, кормил он их тем, что сам ел, зато твари были дико умные. Он их благородным господам продавал да купцам из тех, что побогаче. Зверушки яды распознавали, понимаете?

Крыса – тварь умная, яд в жизни не сожрет, если знает, что это такое, ну и хозяина предупредит.

Видно, зайца кто-то так же натаскивал. Они тоже неглупые, верные, судя по этой зайке – на многое способные, так почему бы нет?

Филипу надо будет рассказать, обязательно. Пусть поищет умельца. Колин, конечно, тоже на него нацелился, но тут уж кто первым найдет, того и умник.

А сейчас нам бы найти, где остановиться. Рану Колина я с утра осмотрел, когда его перевязывал, – она схватываться начала. Как чудо какое…

Я боялся, что от тряски рана опять откроется, но шло время, а на повязке не было ни единого пятнышка. Кто бы ни помог мальчишке – он совершил истинное чудо. Мне же оставалось только надеяться… и мои молитвы тоже были услышаны.

Встречный крестьянин сообщил, что за поворотом, буквально в двадцати перестрелах, будет замок лорда Карената. Я выругал себя на чем свет стоит, что сразу не вспомнил, – и перевел дух.

Кажется, все не так плохо.

Колин

О лорде Каренате я слышал. Мы с Филипом все эти годы упорно собирали информацию обо всей знати. И я, и дядя понимали, что Рыло мне просто так ничего не отдаст, поэтому надо будет обращаться к королю. И знать, на кого можно рассчитывать, а на кого – нельзя. Это ведь так говорится – к королю, а на самом деле у короля советники и секретари есть, и как еще они доложат…

Поэтому надо знать, через кого и к кому идти. Да и потом мне потребуется вращаться при дворе, вот и…

Каренат – из тех лордов, которые не слишком богаты, а при дворе бывать хотят. Глуповат, трусоват, подловат. Деньги тянул бы на свои развлечения со всех рук, да король не дает, законы – штука суровая. Семья – жена и три дочери. Сын родился недавно. С Рылом никак не связан, даже наоборот – недолюбливает, поскольку Рыло у него то ли любовницу увел, то ли кандидатку в любовницы…

Подробностей я точно не знал, да и не надо. Мне хватит и того, что есть. С избытком.

Замок вырастал, надвигался на нас шпилями и флагами, отбрасывал тень – и мы медленно вошли в нее всем караваном.

– Кто?!

Стражники у ворот бдели, но остановить Шарка не смогли бы и легендарные листэрр.

– Лорд Торвальд к лорду Каренату. Немедленно доложить.

Один из стражников оценил и меня на носилках, и Шарка, попытался чуть ухмыльнуться при виде зайца, но, наткнувшись на холодный взгляд десятника, сник и опрометью бросился в глубь двора.

А спустя пару минут явился с пожилым серьезным человеком в достаточно богатой одежде, перед которым явно заискивал.

– Мой лорд, вот…

Это явно был лорд Каренат. Мужчина бегло осмотрел весь наш отряд, выделил меня – и чуть склонил голову.

– Лорд Каренат. С кем имею честь говорить?

Язык у меня всегда был подвешен как надо.

– Лорд Каренат, разрешите представиться. Мое имя Колин, я наследный лорд Торвальдхолла, хотя пока и не утвержденный в правах по причине юного возраста. На дороге неподалеку на нас напали и меня, к сожалению, ранили. Позволено ли будет нам на несколько дней воспользоваться гостеприимством вашего замка?

Формулы были достаточно старомодными, но так и лучше. Мальчишку никогда не воспринимают всерьез, поэтому Филип учил меня производить впечатление. И получилось. Каренат окинул меня одобрительным взглядом, кончики его губ тронула улыбка приязни.

– Рад встретить столь учтивого молодого человека. Я с радостью предоставлю вам комнату в своем замке, пока вы не поправитесь. Сейчас отдам распоряжения дворецкому.

Я незаметно перевел дух.

– Буду рад предъявить вам свои бумаги…

– Не вижу нужды, – не менее светски отозвался лорд. – На вашей руке кольцо…

Я бросил взгляд на руку – и выдохнул. Ах вот оно что…

Каких-то специфических украшений у лордов нет. Но есть кольца-печати, которые даются самим королем. С гербом надела. Сделаны они из лунного железа, металла, по прочности превышающего любую сталь, – и на моей руке сейчас было кольцо отца. Мама отдала, а я его и не снимал никогда. Сросся и сроднился. А что, печатка аккуратная, небольшая, сидит хорошо, а поцарапать ее нереально.

Рыло на нее зубы точил, но кто б ему дал?

Я наследник по роду и по крови, а он – жалованный. Сам-то он владеть землей может, но не передать по наследству – да и некому передавать-то.

И поделом.

– Я вижу, что вы с ним сроднились, – спокойно добавил Каренат. – Оно ваше давно и по праву.

Умен, определенно. А то, что деньги любит… Это тоже заметно.

Он у себя дома, день на дворе, гостей в замке нет – желтые флаги не подняты[2], а хозяин весь разодет. Да как!

Шелк с юга, драгоценное шитье, камни, волосы, опять же, уложены с дорогими маслами… да Филип дома ходил в простой рубахе и кожаных штанах. Все равно не здесь, так там испачкаешься. То забота, то работа, он и сам за лопату взяться не гнушался, и нас приучал, а тут – смешно даже думать. Если Каренату в руки вилы дать для перекидывания навоза – трижды «ха»! Даже представить не получится такую картину – и лучше не представлять. Некрасиво гостю над хозяином смеяться.

Тем более что лорд Каренат хлопнул в ладоши, подзывая слуг, – и принялся отдавать приказания. Меня со всем пиететом сняли с носилок, то есть попытались. Зайка, сидевшая смирно, распушилась и забарабанила лапками. Пришлось погладить зверька и взять на руки.

– Заяц? – удивился лорд Каренат.

– Да, это… Мой подарок кузинам, – выкрутился я. – Подобрали по дороге, она ученая и вообще на редкость умная зверушка.

Зайка чуть притихла и позволила перенести меня на второй этаж в роскошную комнату.

Я вытянулся на кровати и вздохнул.

– Ну что, ушастенькая, мы с тобой пару дней тут поживем? Пока я не поправлюсь?

Животинка соскочила с кровати и отправилась исследовать углы комнаты. Кажется, лорд ей пришелся не по душе.

---

[2] В случае визита хозяин замка поднимает узкие желтые флаги. Когда он дома – гербовые, когда в отъезде – гербовые, но белого цвета, когда траур – черные. Но это только в Эрлине. – *Прим. авт.*

Зая

Замок мне не понравился. Слишком много камня, мертвого дерева, людей, животных, шума и суеты. Равным образом мне не понравился и его хозяин. Слишком от него веяло…

Когда живое существо видит в тебе свою выгоду – это тоже ощущается. Отец мне рассказывал, как он этим чутьем пользуется, чтобы с людьми торговать. Вот сидит перед ним купец, говорит, что мех плохой, что кругом голод, что спроса нет, да так убедительно, что поневоле поверишь, но запах его кричит совсем об обратном.

Человек смотрит, сколько с тебя можно взять.

У нас, в Лесу, такое тоже бывает, но очень редко. И учат у нас таких весьма быстро. Головой в болото до пузырей – и так несколько раз, пока не вылечится. А чуть проявляться начнет – повторить.

Местного вожака так точно не лечили. И зря.

Колин этого не чувствовал, а вот я – очень отчетливо. Но что тут можно сделать? Мальчишке надо отлежаться пару дней, и лучше на мягком, в тепле и уюте. Он же не оборотень, люди – существа хрупкие, нежные… Это нас не всяким поленом перешибешь, а если и попытаешься, то далеко не уйдешь.

Значит, выхода не было и у меня тоже. Можно сбежать, но куда и зачем? Да и мальчишку одного в этом гадючьем гнезде оставлять… Кажется, я уже понимаю смысл этого выражения. Так еще месяц рядом с Колином пробуду – и вконец очеловечусь.

Бывает…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.